ISBN 978-5-9708-1100-9

АЛЕКСЕЙ КОНДРАТЕНКО • С БОЕМ ВЗЯЛИ МЫ ОРЁЛ!

Алексей Кондратенко

С БОЕМ ВЗЯЛИ МЫ ОРЁЛ!

Очерки о поэтах войны



Алексей Кондратенко

С боем взяли мы Орёл!

Очерки о поэтах войны



УДК 908
ББК 26.891
К 64

Книга издана за счёт средств субсидии из бюджета города Орла

Кондратенко А. И.

К 64 С боем взяли мы Орёл! / Очерки о поэтах войны. – Орёл: Издательство «Картуш», Союз военных литераторов, 2023.– 284 с.

ISBN 978-5-9708-1100-9

Сборник очерков «С боем взяли мы Орёл!» посвящён судьбам поэтов Великой Отечественной войны, их фронтовым дорогам по Орловской земле. Читатель познакомится с историей известных стихотворений и песен, увидит, как в военные годы рождались заветные строки.

Автор книги – член Союза писателей России, доктор филологических наук, много лет работающий на ниве литературного краеведения.

Издание, приуроченное к 80-летию освобождения города Орла и юбилею первого салюта, адресовано всем любителям поэзии и военной истории, а также юным читателям и организаторам военно-патриотической работы.

УДК 908
ББК 26.891

ISBN 978-5-9708-1100-9

© А. И. Кондратенко, 2023
© ООО «Картуш-ПФ», 2023
© Союз военных литераторов, 2023

ПАМЯТЬ СЕРДЦА
(слово к читателю)

«Для вселенной двадцать лет – мало», – рефреном звучали когда-то слова из песни «За того парня», написанные Робертом Рождественским. Для вселенной столь же ничтожны и семьдесят, и сто лет. Но восемь десятилетий – немалый срок для отдельного человека. И это ощутимый охват времени для общества, народа…

Так устроен мир, что роковые события первой половины 1940-х годов неминуемо отдаляются от современности. С каждым годом становится всё меньше участников и очевидцев, а место реальных фактов занимают легенды и пересказы. И кто-то теперь может сказать о том, что музы вынуждены были молчать, когда говорили пушки. Но, как всякая звонкая мысль, эта поговорка, скорее всего, страдает односторонностью. Да, война убивает читателей и писателей, в том

числе и будущих. Но испытания, с ней связанные, рождают настоящую, подлинную литературу. Да и в сами роковые дни мысль о несовместимости войны и литературы не была абсолютна. Стихи писались и в промежутках между боями, и в ленинградскую блокаду («Февральский дневник» Ольги Берггольц), и даже в застенках концлагерей. Все знали слова песен «Жди меня» Константина Симонова, «В землянке» Алексея Суркова, «Катюша», «В лесу прифронтовом», «Огонёк» Михаила Исаковского, слова песен Алексея Фатьянова…

Как объяснить современному читателю, какое, не сравнимое ни с чем, значение имели в те годы мелодии, звучащие из тарелки радиорепродуктора в затемнённой холодной комнате или где-то в минуту затишья после боя? Стихотворение, рассказ, напечатанные в ежедневной газете (большинство прозаиков и поэтов тогда работало в редакциях военных многотиражек, на радио)? Кто может передать

то чувство, какое возникало у читателя, когда после смены на военном заводе он покупал книжечку с новой повестью Константина Симонова или Бориса Полевого и вчитывался в простые строки о войне? Умножались ли печали или глаза светились радостью и надеждой? Верили написанному или хотели поспорить с автором? А может, кто-то шептал рифмованные строки как молитву?

Увы, так сложилась наша история, что многого о том времени мы не знаем, да и вряд ли когда узнаем…Множество тех же военных стихов осталось только на пожелтевших страницах подшивок газет, доступных читателям лишь в архивах. Тем ценнее сохранить всё написанное о войне в те годы, донести до новых поколений…

Эрнест Хемингуэй говорил на конгрессе американских писателей в июне 1937 года: «Писатель, если он знает, из-за чего и как ведётся война, привыкает к ней. Это – важное открытие. Просто поражаешься при мысли, что ты действительно

привык к ней. Когда каждый день бываешь на фронте и видишь позиционную войну, маневренную войну, атаки и контратаки, всё это имеет смысл, сколько бы людей мы ни теряли убитыми и ранеными, если знаешь, за что борются люди, и знаешь, что они борются разумно. Когда люди борются за освобождение своей родины от иностранных захватчиков, и когда эти люди – твои друзья, и новые друзья и давнишние, и ты знаешь, как на них напали и как они боролись, вначале почти-без оружия, то, глядя на их жизнь и борьбу и смерть, начинаешь понимать, что есть вещи и хуже войны. Трусость хуже, предательство хуже, эгоизм хуже…»

Давайте прямо скажем себе: люди пишут не о войне, собственно, а о том, как народ, поколение, то или иное сообщество встречает грозный вызов – и его лучшие представители идут на смерть ради свободы и своих идеалов, ради детей, своей Родины. Недаром Ольга Берггольц говорила: «Народ, идущий на

смерть со стихами, бессмертен». А вот слова из статьи другого блокадного поэта Веры Инбер, написанные весной 1943 года: «Поэзия – это сила, о которой мы раньше и не подозревали».

Если вдуматься, это коренная тема творчества, литературы, вечная тема осознания людьми себя как людей. Непостижимо, но ведь именно война стала временем «открытия родины» (до 1943 года это слово писали и печатали исключительно с маленькой буквы) для огромного количества самонадеянных творцов того времени, прежде увлечённых только идеями революции, «осчастливливания» человечества, вселенского новаторства и т. д.

Война поставила совершенно иные условия и иные задачи. Исключительно труден был путь к первому победному салюту. Бои на орловском направлении были одними из самых упорных и ожесточённых за время великой войны. Командовавший войсками Центрального

фронта К. К. Рокоссовский вспоминал: «Нам в буквальном смысле слова приходилось прогрызать одну позицию за другой». Каждый километр продвижения требовал от наступающих большого напряжения сил, упорства, воинского мастерства. В ходе Орловской операции советские войска нанесли поражение крупной группировке противника. В результате их мощных ударов был ликвидирован орловский плацдарм, который гитлеровская пропаганда называла кинжалом, направленным в сердце России. Перед Красной Армией открылись возможности для развития наступления к Днепру и в пределы Белоруссии. В ходе сражения на орловском направлении немецко-фашистское командование не только лишилось возможности перебросить отсюда войск, но и было вынуждено во второй половине июля 1943 года направить на орловский плацдарм одиннадцать дивизий, в том числе три танковые и две моторизованные.

Поэт Иосиф Уткин на одной из встреч в Союзе писателей СССР в 1943 году делился такими наблюдениями: «На войне побеждают не люди с «хорошим настроением», на войне, кроме техники и искусства воевать, побеждают люди сильных убеждений. Только беспредельная любовь к Родине, национальная честь, убеждённый патриотизм делают человека храбрым, делают его победителем. Броню человеческой души и должно ковать наше искусство. Но с душой-то как раз у нас и было не всё благополучно. Даже такие необходимые для воина-патриота понятия, как родина, верность, любовь, нация, оказались у нас зашифрованными в словарь абстракций, а кое-кем и вовсе отрицались. Но именно этим-то и полна душа советского воина. Это-то его и волнует. У него есть родина – Россия. У него есть любовь, жена, подруга, дети, мать. У него есть любимая природа родного места. У него есть нация предков. Вот этими, в большей

степени этическими, проблемами и занялось советское искусство во время Великой Отечественной войны».

С распадом Советского Союза оказались утрачены многие исторические и духовные скрепы бывшего советского народа, распались дружеские, профессиональные и родственные связи. Но если наследники победителей не забывают о войне, говорят о ней, обращаются со страниц книг и журналов к современникам с прозаическим либо стихотворным словом о войне – значит, жива память, значит, у народа есть нравственные силы противостоять трудностям и бедам. Для будущего нашего очень важны связь поколений, преемственность, продолжение… Приведу слова орловского писателя Василия Михайловича Катанова, сказанные им в начале 1990-х годов о коллегах-фронтовиках: «С уходом В. А. Мильчакова и других орловских писателей его поколения из нашей жизни исчезло нечто очень важное, не достижи-

мое даже самыми талантливыми из нас. Ведь они брались за перо в очень трудные годы, и всё-таки сумели создать книги, достойные внимания читателя. Можно спорить, можно даже отвергать написанное, но к минувшему, бывшему их временем, не пробиться без этих книг».

Литературная история Орловщины периода Великой Отечественной войны ещё ждёт своего вдумчивого и внимательного исследователя. Но без всяких оговорок можно утверждать, что она неразрывно связана с именами многих известных прозаиков и поэтов. Строки об Орловщине звучат в стихах Павла Антокольского и Евгения Долматовского, Арсения Тарковского и Алексея Фатьянова, Елены Благининой и Сергея Наровчатова. Этот перечень можно продолжать и продолжать.

Почти забытые ныне массовым читателем стихи – частица сокровенной литературной истории Орловщины, частица народной памяти о грозных событиях первой половины века XX, о сражениях

и славных победах, о силе духа и мужестве защитников Родины. У военной поэзии – большая жизнь, куда более протяжённая, чем мы можем себе представить.

Перед вами, читатель, книга очерков о поэтах военной поры, чьи фронтовые дороги пролегли по Орловщине. Очерки не претендуют на биографическую полноту – рассказ о каждом поэте, конечно же, достоин целой книги. Цель этого издания другая – напомнить орловцам XXI века и гостям города Орла о том, что в литературной летописи края было немало памятных страниц военных лет. Стихи как моментальный фотоснимок сохранили для нас всю ярость борьбы, героику, неимоверную тяжесть испытаний, которые в итоге увенчались победным первым салютом Родины.



«ЧТОБ НАШ ГОРОД ПЕСНИ ПЕЛ О ВАС…»

[Алексей Фатьянов]

Будущий знаменитый поэт-песенник родился 4 марта 1919 года в богатой купеческой семье во Владимирской губернии. Как многие тысячи парней и девушек Алексей Фатьянов был заброшен бурей «великого перелома» в Москву. С 16 лет учился в театральной студии при театре ВЦСПС, затем – в театральной школе актерской труппы театра Красной Армии. А когда подошёл срок идти в армию солдатом, Фатьянов в мае 1940 года отправился в Елец – в полк железнодорожных войск.

Кто знает, возможно, со временем из добродушного владимирца получился бы неплохой офицер инженерных войск, но судьба распорядилась иначе. Вышел приказ Наркомата обороны о создании при каждом военном округе ансам-

бля песни и пляски. На красноармейца Фатьянова, активнейшего участника полковой художественной самодеятельности, обратили внимание, и уже вскоре он отправился на новое место службы в Орёл. Поселился, как и положено, в воинской части на Соляном переулке, где жили участники ансамбля.

Работы было очень много – и в качестве режиссёра-постановщика, и в качестве автора. Но, как вспоминал потом Фатьянов, чувствовал он себя как рыба в воде. Программы концертов ансамбля почти полностью состояли из его произведений, он читал со сцены стихи, пел, вёл концерты. Его стихотворные произведения постоянно публиковались на страницах областных газет «Орловская правда», «Комсомолец». Частенько приносил свои вирши и в газету Орловского военного округа «Сталинец» (редакция размещалась в Орле на улице 2-й Посадской, это здание было разрушено во время оккупации). Многие стихи Фатьянова – бес-

хитростный рассказ об армейских буднях, но в этих строках уже проступают мотивы будущих всенародно любимых песен.

Разве нет переклички со знаменитой «Солнечной поляночкой» у опубликованного в «Комсомольце» в марте 1941 года «Привала»?

Сегодня солнцем день залит.
Привал. Окончен путь.
– Ну что ж, товарищ замполит,
Сыграйте что-нибудь.
Легла на пуговки рука
И, на пенек присев,
Товарищ замполитрука
Играет лучше всех.
Трещат смолистые дрова,
Дым стелется в овраг.
На отдых есть у нас права,
Был бой.
В бою разгромлен враг.

Алексей Фатьянов со страниц «Комсомольца» обращался к орловской молодежи:

На кросс, комсомолец!
В беге проверьте
сердце, легкие, нервы.
Волю проверьте,
силу измерьте,
будьте в числе первых.
Сейчас отложите
гулянья, гармони,
Себя тренируйте вдвойне,
чтоб враг не смог
уйти от погони
в последней,
великой войне.

Фатьянов написал ещё несколько стихотворений, напечатанных в орловской молодёжной газете: «Бессонница» (1941, 16 марта), «Париж 1941 года» (1941, 19 марта), «Музыка» (1941, 28 мая). Вот отрывки их них:

Бессоница

Теперь не роняют невесты
При долгих разлуках слёз.
Граница…
До людного места –
Триста безлюдных вёрст.
Небо в окне голубое,
И туча,
Как груда камней.
Уж четверть часа от отбоя
Сегодня не спится мне.
Причина тому, что писем
Не было слишком давно.
Узорчатым, мелким бисером
Мороз разукрасил окно.
Ну, что написать ей стоит:
«Здоров. Целую. Привет».
Письмо как письмо – простое,
Но лучше которого нет…

Париж 1941 года

Тёплый ветер. Капель.
Вечер сумрачен. Сер.
Это – март, но не тот это март…
Эх, Париж!..
На трибуны твои
Не взойдёт Робеспьер
Не взойдёт на трибуны
плечистый Марат.
Над тобою луна круглолица как Тьер,
И на площади
мраморный твой Бонапарт.
Смотрит в землю,
Мол, в землю пора…
Не закончив домашнюю партию в вист,
Богачи из домов по делам разошлись,
Чтоб встречать у кулис
Моложавых актрис,
Чтобы в карты играть до утра.
Что им Родина? Родина…
Их приютят,
Были б целы у них сундуки.
Над Парижем чужие пилоты летят,
И чужие прожекторы, ночь осветя,

Провожают свои полки.
Бедняки же выходят из тёмных квартир,
Чтоб к Стене коммунаров пройти,
Чтоб хоть глазом взглянуть…
Содрогается мир
И от войн не находит пути.

Музыка

На утреннем небе ещё не потухли
Вчерашние звёзды, что вечер зажёг.
Мирно дымились походные кухни,
Бойцы по-хозяйски садились в кружок.
Василий смотрел на отлогие взгорья
И думал: – Весна неприветлива тут…
Что, может, сейчас вот
В консерваторию
По лужам весёлым ребята идут.
Они на углу покупают мимозы
(На улице Герцена столько мимоз!),
И день начинается шумен и розов,

А здесь тишина
И мохнатый мороз.
Да снег – то упругий,
То жёсткий,
То зыбкий.
Снежинки позёмки как иглы остры,
И руки, когда-то сжимавшие скрипку,
Сжимают винтовку.
Горят костры.

Однажды он заглянул в театр, чтобы услышать знаменитые строки Михаила Светлова, ведь о пьесе «Сказка», шедшей на столичных сценах, с восторгом писали центральные газеты. К тому же несколько лет назад в столичном театре ВЦСПС Фатьянов участвовал в спектакле по пьесе Светлова «Глубокая провинция»…

После спектакля всех его участников пригласили в редакцию газеты «Комсомолец», к редактору Ивану Батову. Молодёжная редакция (располагалась на улице Сакко и Ванцетти, ныне

Карачевской) притягивала к себе все молодые творческие силы Орла и области. Так где, как не здесь, и суждено было встретиться Алексею Фатьянову и юной актрисе Анне Николаевой?

Анна вошла в кабинет Батова и сразу обратила внимание на стоявшего у окна молодого красноармейца. Он! Красивый, высокий блондин с родинкой на щеке… А зубы – жемчуг… Глаза – в них всё голубое небо! Широкоплечий – настоящий Добрыня Никитич. Анна влюбилась в него прямо с порога.

А Алексей не мог отвести глаз от девушки, которую только что видел на сцене. Они не запомнили, о чём говорили на «открытой рецензии» в тот день, – вышли из редакции вдвоём… До позднего вечера бродили по всем орловским улицам, паркам, садикам. Он взял её за руку, и всё рассказывал о себе, Москве, доме, о родных и близких. Вспоминали почему-то Лермонтова и его «Героя нашего времени». Алексей – поэт в сол-

датской шинели, совсем как в романе: «Грушницкий – юнкер. Он только год в службе, носит, по особенному роду франтовства, толстую солдатскую шинель». Ну, а уж Анна непременно сыграла бы роль княжны.

А ещё он смешливо повторяла фразу из пьесы: «Поэт! Поэт должен быть худым и задумчивым. А ты у меня такой здоровый… Такой, такой, такой здоровый!»

Он сказал Анне, что таких глаз не видел никогда и уже больше никогда не увидит! В городском саду сели на скамеечку, Алексей придвинулся к Анне и на каком-то обрывке листа написал стихотворение. «Это для тебя», – прошептал он.

23 мая газета «Комсомолец» напечатала рецензию Алексея Фатьянова «Молодёжный спектакль». Подписался он официально: «заместитель художественного руководителя ансамбля красноармейской песни и пляски Орловского военного округа» и, скажем прямо, в пух и прах раскритиковал режиссера спекта-

кля. А ещё там были такие слова об Анне: «мы увидели обаятельную и очень органичную Николаеву в роли Тани», «как бы непосредственна ни была Николаева, которая к сожалению, тоже часто поверхностно решает свою роль, – спектакль не получил нужного звучания». И строгий рецензент (со столичным опытом!) сделал окончательный вывод: «Очень жаль, что нельзя коллектив, работавший над спектаклем, поздравить с большим успехом и приходится поздравлять с маленьким. Поздравить, безусловно, нужно, так как в спектакле есть отдельные хорошие места и отдельные хорошие исполнители».

А с полосы комсомольской газеты в числе четырёх главных героев ослепительно и безмятежно улыбалась читателям «отдельный исполнитель» Анна Николаева.

13 июня 1941 года в «Комсомольце» вновь появилась большая публикация – все материалы принадлежали перу Алексея Фатьянова. Это была письмен-

ная версия литературно-музыкальной композиции «Великой родины сыны», которая принесла ансамблю успех и славу. Газета напечатала текст и ноты (автор музыки – Вл. Дорофеев) песни «Всегда готовы». Были в ней такие строки:

Слышишь земля,
Родная семья,
Слышишь нас, Сталин родной.
За правое дело
Мы выступим смело
В последний решительный бой.
Сестры встанут с нами рядом,
В бой готовы сыновья:
Далеко проводит взглядом
Родина чудесная моя.
И с победою нас встретит
Победившая в боях
Самая могучая на свете
Родина чудесная моя.

Здесь же было напечатано групповое фото нескольких участников воен-

ного ансамбля, включая Фатьянова. Эту газету артисты раздавали красноармейцам, объезжая с постановкой части военного округа. Война застала их на Сещинском аэродроме западнее Брянска: немцы бомбили авиачасть, и орловские артисты могли погибнуть уже в первые минуты тех неимоверно тяжёлых 1418 дней и ночей Великой Отечественной. Алексей сразу написал для «Комсомольца» стихи о войне: «Победа с нами» (напечатано 26 июня), «Девушкам нашего города» (29 июня). Второе стихотворение, конечно же, было посвящено Анне Николаевой. Приведём здесь эти тексты полностью, потому что кроме газетных публикаций, никаких других не было.

Победа с нами

Мы всегда были к бою готовы,
Нам не страшен пожар войны.
Дан приказ – и по первому слову
Мы ушли на защиту страны.

Эскадрильи взлетели высоко,
За полками уходят полки.
Солнце яркое всходит с востока,
И на солнце сверкают штыки.

За мир и за счастье,
За родину нашу
Идут в наступленье войска.
Мы знаменем нашим
Страну опоясем,
Сметём и раздавим врага.

Чёрный Гитлер с кровавой сворой
Ляжет трупом у наших границ,
И погибнут фашистские вороны
От могущества сталинских птиц.
С нами весь боевой пролетарий,
Волей Сталина в мыслях един.
Так, как к полюсу мы прилетали,
Так к Берлину в бою прилетим.

За мир и за счастье,
За родину нашу
Идут в наступленье войска.
Мы знаменем нашим
Страну опояшем,
Сметём и раздавим врага.

Девушкам нашего города

Может, ночью, может, на рассвете
мы, простившись наскоро, ушли
прямо в ночь.
В морозный, резкий ветер
на рубеж заснеженной земли.
Мы ушли, и замирали где-то
голоса оставшихся друзей.
Оставалась песня недопетой,
До зари, до самого рассвета
милые стояли у дверей.
Мы доехали тогда до Ленинграда,
Впереди бессонница и тьма.
Визг шрапнели, уханье снарядов,

жуткая, метельная зима.
Высоко взметнулось наше знамя
и почти от берега Невы
проходили в ногу вместе с нами
девушки, такие ж, как и вы.
… Зимние, безлюдные дороги,
Никакого признака весны.
Злющий ветер, замерзают ноги.
Да! Я лично знаю многих
героинь прославленной страны.
Чёрный дым вставал на горизонте.
И вот в грохоте смертельных батарей
мы встречались с милыми,
На фронте
мы встречали жён и матерей.
И сейчас, когда ремень стянув потуже,
мы опять уходим от семей,
я не зря напомнил о минувшей,
о далёкой, прожитой зиме.
Вновь над нами тучи протянулись,
окружив спокойный небосвод.
Девушки весёлых наших улиц,
вы готовы ль выступить в поход?
Мы хотим, чтоб в наших лазаретах

были сильные вы, смелые душой.
Чтобы подвиг за страну Советов
частью жизни в вашу жизнь вошёл.
Чтоб вас мужество нигде не покидало,
было сердце твёрдо, зорок глаз,
чтоб страна вас взглядом провожала,
чтоб наш город песни пел о вас.

После той первой встречи Анна и Алексей буквально бежали друг к другу на свидания. А ещё увиделись во время первой бомбёжки Орла. Был поздний вечер, Анна возвращалась с комсомольского собрания. Раздался страшный гул, кто-то схватил её за руку – милиционер – и бросил в подвал, где было тихо-тихо… даже дети притихли. Анна, прижавшись к холодной стене, твердила одно: «Господи, что сказать перед смертью?»

Когда бомбёжка затихла, все стали выходить из убежища… И тут, в полной ночной тишине она встретила Алексея… По военному городу они побежали к Анне домой. Мама и бабушка стояли на улице –

ждали её… «Передаю вам Нюсю с рук на руки», – сказал Алексей. Вновь завыли сирены, и все они едва успели вбежать во двор, в укрытие, в земляную щель…

Алексей провожал Анну в эвакуацию. Рано утром пришёл на вокзал прямо к вагону. И принёс фиалочку: «Это тебе» (его фиалку, жёлтую с синими краешками, засушенную, Анна хранила в записной книжке много лет). Они не плакали и почти ничего не говорили, они думали тогда, что война долго не продлится («ещё пару недель, не больше»). Поэтому, прощаясь, надеялись, что когда-нибудь, после войны, будут вместе навсегда.

Алексей Фатьянов с ансамблем «обслуживал» фронтовые части. Вот одна из записей в его фронтовой тетради: «Н-ская часть. Концерт в полном разгаре, и вдруг гудки – сирена. Раздаётся команда: «Все по своим местам!». В небе яростно рычали наши краснокрылые

ястребки. Через час бойцы и командиры вернулись. Концерт продолжается».

В записной книжке поэта имена отличившихся бойцов: «Ильин – лейтенант особого взвода. Изосимов – командир отделения. Красноармейцы Пермяков, Пухов, Пешкин. Разведчик Рудь». В стихах Фатьянов славил лётчика Дмитрия Томилина, сбившего три немецких самолёта. Посвятил свои строки танковому экипажу лейтенанта Лунина, 18-летнему красноармейцу-комсомольцу Петрову…

Не добившись отправки на фронт, Фатьянов продолжает писать стихи и песни. Особо любимы солдатами были его злые частушки:

Говорили немцу так:
Победишь, как свистнет рак.
Гитлер рака дрессирует –
Не свистит проклятый рак.

А вот другое стихотворение – одна из многих трагических картин войны:

Не знаю, на каком наречье
Мне рассказать, чтоб видно было всем.
Разрушенный мой край. Обугленные печи.
Труп девушки на скошенном овсе.
Она в губах остывших сохранила слово –
Мы поняли, что это слово – месть.

Фатьянов написал новый рапорт, на этот раз – начальнику политуправления Брянского фронта А. П. Пигурнову: «Товарищ дивизионный комиссар, нет больше сил оставаться в прифронтовых полосах и заниматься литературной работой в то время, когда все мои братья, друзья и товарищи на фронте отдают свои жизни и кровь… Прошу отправить меня на любую работу на фронт, так как я могу владеть тремя оружиями – словом, пером и винтовкой».

А враг был всё ближе и ближе к Орлу. Наверное, это была последняя

встреча Фатьянова с орловскими журналистами – 17 сентября он забежал на час в «Орловскую правду» (штат «Комсомольца» ещё в конце августа влился в её состав). Принёс стихи:

И сложат песню о нас, о бойцах,
В торжественной вспомнят беседе
О том, как мы шли, не боясь свинца,
Навстречу великой победе…

О многом говорили тогда, вспоминали боевых товарищей, делились новостями о них. Фатьянов, прощаясь, сказал: «Кончится война, и мы обязательно вспомним эти дни, этот Орёл, этот сад, и наша дружба будет ещё крепче».

Когда Орловский военный округ был реорганизован в Южно-Уральский округ, боевых артистов перевели в город Чкалов (ныне Оренбург). Постепенно, шаг за шагом, поэт-песенник Алексей Фатьянов становился известен всё более широкому кругу слушателей. Начина-

лось его сотрудничество с композитором Василием Соловьёвым-Седым. Не за горами были всенародная любовь и слава. А пока – ежедневные концерты в воинских частях, длительные командировки с артистическими бригадами в действующую армию, создание новых песен.

Орловский театр, где работала Анна, эвакуировали на Урал. Архивные документы сохранили свидетельства того, в каких условиях работали наши артисты: скудный паёк, изматывающий холод, отсутствие самого элементарного для того, чтобы ставить спектакли. А ещё в «свободное время» работа в госпиталях: актрисы были и нянечками, и санитарками. Сдерживая слёзы, Анна читала стихи перед голодными подростками-рабочими военных заводов. Но наградой за всё были такие искренние аплодисменты публики, которых, наверное, нет и не может быть в мирное время.

Судьбой было суждено, чтобы Фатьянов и Николаева ещё встретились

во время войны. Это было в Златоусте… Потом была встреча в Москве, где она стала свидетелем того, как Фатьянов работал с композитором Василием Соловьёвым-Седым над новой песней (по мнению музыковедов, это были «Соловьи» – А.К.). Она вспоминала: «Алёша стоял у фортепиано, посылал мне воздушные поцелуи и всё твердил: «Это тебе, это тебе…» А вечером я ему сообщила, что собираюсь выйти замуж [за редактора Ивана Батова. – А.К.]. Алёша только сказал: «Наша любовь останется с нами до конца нашей жизни. Поступай, как знаешь». На следующий день он уезжал в Ленинград. Я и его сестра пошли его провожать. Помню, он стоял на подножке вагона, в шинели, красивый, голубоглазый, и мы попрощались. Я безумно ревела у Наташи на груди…»

В июне 1946 года Алексей Фатьянов женился в Москве на Галине Калашниковой, которой суждено было стать хранительницей его уникального

творческого наследия. Фатьянов написал тексты всенародно любимых песен, ставших советской песенной классикой: «На солнечной поляночке», «Давно мы дома не были», «Потому, что мы пилоты», «Когда проходит молодость», «В городском саду играет…», «Где же вы теперь, друзья-однополчане?», «Когда весна придёт, не знаю…», «Ты сама догадайся по голосу…». Увы, судьба была несправедливо жестока к необычайно талантливому поэту-песеннику – он умер 13 ноября 1959 года в Москве.

Анна Николаева была актрисой театров в Кишинёве и Одессе, затем – Киевского русского театра имени Леси Украинки. Сыграла роли Анны («Каменный гость»), Матрёны («Власть тьмы»), Маши («Три сестры»), Миссис Сэвидж («Странная миссис Сэвидж») и многие другие. Снималась в кино. В 1972 году была удостоена звания Народной артистки Украины. Умерла 12 апреля 2003 года в Киеве.

…Улицы Орла помнят молодого поэта в красноармейской форме, чьи строки звучали здесь со сцены и газетных страниц в 1941 году. Фатьянов – частица поэтической истории Орловщины, наряду с именами Фета, Бунина, Апухтина, Павла Шубина и Дмитрия Блынского.



«МЫ В ЭТОТ ЯРОСТНЫЙ УДАР ВСЮ НАШУ СТРАСТЬ, ВСЮ ДУШУ ВЛОЖИМ…»

[Иосиф Уткин]

Поэт Иосиф Уткин ныне «прочно забыт». Говоря о сравнительно недавней истории советской литературы, сегодня вряд ли кто его вспомнит, да и книг Уткина последнюю четверть века уже не издают. Так сложилось, что он не попал ни в разряд литературных генералов, отмеченных сталинскими премиями, ни в чёрный мартиролог репрессированных… Лишь на желтеющих страницах книг и журналов где-то остаётся имя человека из ушедшего навсегда поколения поэтов первых послереволюционных лет, поэтов военной поры.

Иосиф Павлович Уткин родился в мае 1903 года на Дальнем Востоке, на станции Хинган в семье железнодорожника. Детство его прошло в Иркутске. Добро-

вольцем участвовал в гражданской войне, с 19 лет работал репортёром в иркутской газете и печатал свои стихи и фельетоны под робким и забавным псевдонимом Утя. Потом учился в Коммунистическом институте журналистики в Москве – тогда, в 1920-е, это была редкая удача, ведь путёвку на поступление в институт давали лишь одну на двухмиллионную губернию.

Уткин довольно быстро стал широко известным в стране Советов поэтом, уже в середине 1920-х годов заведовал отделом литературы в только что начавшей выходить газете «Комсомольская правда». Порой его высокопарно (что поделаешь, стиль эпохи!) называли «цветком пролетарской поэзии», а Анатолий Луначарский с теплом и симпатией говорил: «Вместе с комсомолом можно поздравить русскую литературу с появлением первых произведений Иосифа Уткина. Мы имеем в его лице настоящего поэта… Он никогда не шокирует вас угловатыми и барабанными ритмами, сухой метрикой, он всегда

остаётся мелодичным. Я почти не знаю этого юношу, но для меня ясно, что указанная выше настроенность его стихотворений не случайна». Среди молодёжи были любимы стихи Уткина тех лет «Рассказ солдата», «Ветер», «Гитара», «Двадцатый» на тему гражданской войны. Раздумья его были созвучны настроению много пережившего поколения:

Молодёжи

Нас годы научили мудро
Смотреть в поток
До глубины,
И в наших юношеских кудрях
До срока – снежность седины.
Мы выросли,
Но жар не тает,
Бунтарский жар
В нас не ослаб!
Мы выросли,
Как вырастает
Идущий к пристани корабль.

Михаил Светлов спрашивал себя и читателей: «В чём секрет успеха поэзии Иосифа Уткина? Секрет – в полной гармонии личности поэта с его творчеством. Он звал к благородству и сам был благороден, славил любовь и сам был полон любви, призывал к мужеству и был необыкновенно мужественен».

После выхода в свет первой поэтической книги Иосиф Уткин из журналистики устремился… в политику. Тут же ГПУ взяло его на заметку, в аналитических записках появились строки: «Уткин примкнул к троцкистской организации, приняв участие вместе с Малеевым, М. Голодным и Светловым в выпуске нелегальной троцкистской газеты «Коммунист», приуроченной к 7 ноября 1927 года. Организационное совещание редакции этой газеты происходило на квартире Уткина, а в самой газете были помещены его контрреволюционные стихи».

Наступали годы «великого перелома». Уткина уже не называли всеобщим

любимцем, напротив, на него навесили ярлык «певца мещанства», в газетах мелькали карикатуры, где поэта изображали верхом… на гитаре. К тому же попал в опалу и был сослан его тесть, видный партработник, председатель Совнаркома Украины Христиан Раковский.

«Образ слабого, забитого жизнью, трусливого непротивленца – один из главнейших образов Уткина», – таково начало обширного обзора А. Воронцова «Иосиф Уткин как таковой» в московском журнале «Печать и революция». Статья была полна обвинений сродни строкам из приговора ревтрибунала: «Поэт всегда говорит о «Войне» вообще. Смысл классовой революционной войны для него неясен… даже ирония над врагом не носит активного характера. Поэт не отрицает достоинств врага, наоборот, преувеличивает их, любуется ими… Иосиф Уткин в настоящее время является поэтом мелкой буржуазии». Автор журнальной публикации разил поэта

хлёстко: «у него нет ненависти к людям другого быта и воззрений», «на протяжении своей творческой работы он ни разу не заикнулся о комсомоле». Апофеозом обзора были финальные строки: «Борьба против уткинщины – это борьба против одного из характернейших проявлений (но не единственного) «классово-чуждых влияний в литературе», в частности, поэзии. Эта борьба необходима, она в интересах читателя и в интересах революционной переделки самого поэта».

Был репрессирован друг Уткина поэт Павел Васильев. Самого Уткина почти не печатали, да и то немногое, что попадало на прилавки книжных магазинов за его подписью, вызывало у «критиков» новые и новые волны ярости. Когда в библиотеке журнала «Огонёк» в 1936 году вышла тонкая (всего 48 страниц) книга Уткина под простым названием «Лирика», на неё откликнулся в «Литературном обозрении» аспирант Библиотечного института Е. Рыскин, причём свою

рецензию начал совершенно определённо: «Опасаться, что кто-нибудь примет книжку И. Уткина всерьёз, как крупное явление в советской поэзии, конечно, нечего. Но смутить, дезориентировать некоторых читателей и молодых поэтов она может…» Далее следовали язвительные, колкие оценки: «сезонные амуры», «поэтические пустышки». И откровенно оскорбительна была концовка рецензии: «Книжка вышла тиражом в 50 000 экземпляров. Думаю, что нетрудно было бы найти лучшее применение затраченной на неё бумаге».

А пару лет спустя на стол Сталина легла справка, где наряду со «старыми грехами» аналитиками госбезопасности скрупулёзно перечислялись и новые: «Заявлял, что «идёт поголовное истребление интеллигенции», в литературе царят «зажим» и «приспособленчество». Европа смеётся над такой конституцией, которую сопровождают такие салюты, как расстрелы. У нас революция пере-

ходит в бонапартистскую фазу. Враг не смог бы нам причинить столько зла, сколько Сталин сделал своими процессами. Когда я читаю газеты, я говорю: «Боже, какой цинизм, мрачный азиатский цинизм в нашей политике. Объявили демократию и парламентаризм, а на сессии Верховного Совета ни одного вопроса по поводу массового исчезновения депутатов и министров».

Мы не знаем, какой была реакция Сталина на эти слова Уткина. Во всяком случае, поэт не был репрессирован. Более того, с 1938 и 1939 года стихи его постепенно возвращаются на страницы периодики, издательства больше не отказываются принимать его рукописи в печать. Можно много говорить о причинах такого идеологического поворота, наверное, в первую очередь причина коренится в том, что приближалась война – партийному руководству надо было думать не об охоте на ведьм, а о том, кто же скажет заветное слово за-

втрашним солдатам и завтрашним труженикам тыла.

Снова зазвучали на поэтических вечерах стихотворения Иосифа Уткина, теперь уже новые – «Дождь в детском саду», «Признаки весны», «Товарищ», «Тройка». Когда началась война, он дежурил на крышах во время ночных налётов бомбардировщиков и ждал вызова на фронт. Призывали в первую очередь коммунистов, а он был беспартийный.

И вот в начале августа 1941 года решением начальника главного политуправления Красной Армии и заместителя наркома обороны Л. З. Мехлиса Иосиф Уткин был назначен на должность поэта в редакции газеты начавшего формироваться Брянского фронта. Короткие сборы в Москве, и 15 августа Уткин вместе с коллективом новой редакции «На разгром врага» отправился в брянские леса.

В это время бои с фашистами уже шли на западных рубежах Орловской области. Уткин хотя редко, но находил воз-

можность приехать в Орёл. Писал для газеты стихи, статьи, заметки, зарисовки, ходил на допросы пленных, сочинял листовки для политуправления фронта.

Гневом и болью, страстным призывом мстить звучали строки:

Не верю, нет! Но тише, тише…
Я видел сам. Я видел их –
Невинных, мёртвых и нагих,
Штыками проткнутых детишек!

И, как слепой, руками шаря,
Не веря собственным глазам, –
Их матерей в костре пожара,
Товарищи, я видел сам!

В первый выпуск сатирического приложения к фронтовой газете («Осиновый кол») Уткин предложил злые частушки про Гитлера. Уже 21 августа было напечатано стихотворение «Бабы» – о том, как вооружённые гранатами женщины взяли в плен трёх фашистов (факт был взят

из сводки Совинформбюро). 22 августа вышла в свет большая корреспонденция «Фашистские молодчики в плену» – об асе Иоганне Фельдшуре, который, несмотря на нацистские убеждения, предпочёл гибели плен у большевиков. 26 августа печатается стихотворение «Старик» – о том, как путевой обходчик перехитрил гитлеровцев и взорвал танк. С письмом-стихотворением Уткин обращается к партизанам:

Стреляйте с крыш! Палите в окна!
Садите в фортку! Бейте в дверь!
Пусть от свинца повсюду дохнет
Многоголовый этот зверь.

В те дни, ещё не зная, что скоро события на фронте приобретут роковой характер и начнётся битва за Москву, готовились к наступлению. В редакции вместо передовой статьи решили на первую полосу специального номера поставить стихи Уткина:

Мы долго ждали этот час,
Но ждали мы его недаром:
Когда, удобно изловчась,
Мы опрокинем их ударом!

Он будет смел, он будет яр,
Удар решительный, без дрожи.
Мы в этот яростный удар
Всю нашу страсть,
всю душу вложим…

Уткин сразу обратил на себя внимание и в редакции, и в штабе фронта: высокий и стройный брюнет, тёмно-каштановые волосы под командирской фуражкой с алым околышем. Как вспоминал один из журналистов газеты «На разгром врага», Уткин «держался в сложной армейско-редакционной обстановке просто и ровно, однако не допускал никакого хлестаковского панибратства со стороны любителей так называемой «солдатской простоты». Конечно, в иную минуту, по старой памяти среди газетчиков

и политработников заходили разговоры о поворотах судьбы поэта. Он не скрывал: «Мало печатали и много ругали: сентиментальность, надрыв, мелкобуржуазность, романсовая чувствительность… Я был неугоден, потому что шёл собственной поэтической дорогой и не поступался своим достоинством. Иногда казалось, что ушло уже навсегда моё время». Удивительно было слышать такие слова из уст поэта, чьими стихами в военной газете зачитывались тысячи солдат.

Заместитель начальника разведки Брянского фронта Л. М. Максимов вспоминал: «В районе Почепа фашисты остервенело рвались вперёд. Кто-то из наших дрогнул [речь идёт о боевых порядках одной из рот 856-го стрелкового полка. – А.К.]. Подался назад. За ним откатились и другие. Уткин с двумя политработниками останавливал бегущих. Из стога сена торчали чьи-то сапоги. Иосиф приказал разгрести сено. Вытащили до смерти испуганного бойца в очках.

– Я трус, – плачущим голосом сказал он, – Вы расстреляете меня? Поймите: всю жизнь имею дело только с книгой… Я учитель…

Уткин ответил:

– А я писатель. Всю жизнь имел дело с пером и бумагой. В строй!»

Поэт и учитель пошли в бой.

В начале сентября бригада политуправления фронта приехала в батальон, провела в лесу митинг, на котором со страстной речью выступил Уткин. Читал «Мы долго ждали этот час», «Песня об убитом комиссаре», «Любовная-говорная», «Песня о младшем брате»…

Вот как рассказывал о том огненном дне и о том, что случилось с Уткиным, подполковник из политотдела дивизии: «Он поднялся в атаку вместе со всеми, около него разорвалось несколько [миномётных] мин. Он упал лицом вперёд, раскинув руки. Я не успел крикнуть ему, что надо сжаться в комочек, занять как можно меньше места на обстреливаемой

земле. Через минуту накрыла вторая серия мин. Я увидел, что правая рука поэта вся в крови, подполз к нему. Он был ещё и контужен, видимо, не знал, как и куда ранен, и сказал мне: «Добейте меня, я вам мешаю здесь!»»

Провидческими оказались давние стихи Уткина:

И он погиб, судьбу приемля,
Как подобает молодым:
Лицом вперёд,
Обнявши землю,
Которой мы не отдадим!

В дневниках фронтового журналиста и писателя Василия Гроссмана сохранилась запись о том, как уставшая, давно не знавшая сна женщина-военврач рассказала ему об Уткине во время операции: «Я его режу, а он стихи мне читает».

Сотрудник газеты «На разгром врага», писатель Леонид Ленч вспоминал: «Уткин после ранения был доставлен

самолётом в полевой подземный госпиталь на окраине Брянска. Я поехал туда вместе с высоким хирургом (фамилию его я забыл) в тот же вечер. По его распоряжению мне дали халат (он весь был в неотмытых бурых пятнах), и я пошёл по узкому проходу среди кроватей, на которых лежали раненые, я искал Уткина.

Воздух, насыщенный специфическими госпитальными запахами, был тяжёлый, спёртый из-за отсутствия вентиляции. Кто-то стонал, кто-то громко бредил. Наконец я увидел красивую голову Уткина, лежащую на подушке. Я подошёл к его кровати. Поверх одеяла покоилась его правая забинтованная рука. Алые свежие пятна крови проступали на белой кукле повязки. Он был изжелта-бледен, лицо осунулось, глаза раскалены страданием. Я сел у него в ногах и, проклиная свою чувствительность, отвернулся, чтобы скрыть выступившие на глазах слёзы. Уткин молча пожал здоровой левой рукой мою руку…

– Зачем вы это сделали, Иосиф? – вырвалось у меня. – Вы же работник газеты, поэт… вы могли и не пойти, никто бы вас не осудил за это!

– А совесть? – сказал Уткин, глядя на меня с укором. – Я выступал на митинге… призывал и взывал… стихи им читал! А потом – в кусты?! Думаю, что и вы на моём месте поступили бы так же».

Через несколько дней по приказу командующего Брянским фронтом генерала Ерёменко Уткина, потерявшего много крови, самолётом отправили в Москву. Ранение ни на день не вывело его из боевых рядов: стихи диктовал в госпитале. Не прекращал литературной работы и в Ташкенте, куда был отправлен на дальнейшее лечение. Там с гордостью узнал о том, что награждён орденом Красной Звезды. И пусть решение об этом командование Брянского фронта приняло с некой задержкой – только после начала контрнаступления

в ходе битвы за Москву, мечтал вернуться в столицу и получить боевую награду.

Менее чем за полугодовое пребывание Уткина в Ташкенте им были созданы две книги фронтовой лирики: «Фронтовые стихи» и «Стихи о героях», а ещё альбом песен, написанных совместно с московскими композиторами. Тогда же вышли в свет другие его книги – «Винтовкой, молотом, пером» (1941), «Я видел сам» (1942).

Он вернулся в Москву, был назначен заместителем руководителя Пресс-бюро Союза писателей СССР, но очень хотел снова попасть на Брянский фронт. Кто-то из очевидцев разговора Уткина и Светлова на столичной улице весной 1942 года запомнил грустные слова раненого Иосифа: «Поэт – это тот, кому ничего не надо и у кого ничего нельзя отнять». Михаил Светлов возразил: «Нет, поэт – это человек, которому нужен весь мир и который готов всё отдать». Уткин рвался «на линию огня», беспокоя на-

чальников разного ранга настойчивыми просьбами послать его на фронт. Но так уж устроена жизнь военная, что в родной редакции его уже не ждали. Редактор газеты, кадровый офицер Александр Воловец даже высказался однажды перед сотрудниками:

– Да, газете нужен боевой, оперативный материал. Конечно, если вы оказались в таком положении, что надо принять участие в бою, ретироваться – позор. Но специально навязывать себя, показывать свое геройство не следует. На командном пункте вы больше увидите, потом уточните детали, фамилии. Ищите боевой опыт, обобщайте его. Это важнее всего.

Иосиф Уткин написал заявление генеральному секретарю Союза писателей СССР Владимиру Ставскому: «Я категорически отметаю разговор насчёт невозможности, по соображениям физического порядка, моего пребывания на фронте. Я хочу. Я могу». И летом 1942 года он вновь на Брянском фронте – в качестве

специального корреспондента Совинформбюро, газет «Правда» и «Известия».

Уткину создали максимально «комфортные» условия: невдалеке от штаба поставили шатёр, в нём – стол, старинное кресло. А ещё здесь были… старинные канделябры со свечами. Выделили машинистку, чтобы печатала статьи и стихи. Поэт часто выезжал в воинские части, не требуя скидок на увечье. Это были июль и август 1942 года, время тяжёлых боёв на Дону – на северном фасе битвы геройски сражались и бойцы Брянского фронта. В пути немало повидал тульских, орловских деревень и дорог, бомбёжек, обстрелов…

В московских газетах печатали стихи и очерки Уткина о героях фронта, о брянских партизанах, о боях. «Правда» публикует его «Клятву»:

Клянусь: назад ни шагу!
Скорее мёртвый сам
На эту землю лягу,
Чем эту землю сдам.

Повидаться с Уткиным приезжали Константин Симонов и Василий Гроссман, братья Тур, Александр Кривицкий, Леонид Кудреватых, Евгений Кригер, Пётр Павленко, да и многие-многие другие заходили на неяркий огонёк, у которого разговоры продолжались до самого утра. Под шатром собирались добры молодцы, как когда-то в старину ратники в походе, на привале находили минуту для глубокой думы и душевного слова. А может, вспоминали дни Отечественной войны 1812 года, когда в Тарутинском лагере Василий Жуковский написал знаменитый патриотический гимн «Певец во стане русских воинов»… Уткин с давних лет был очень музыкален, ранение лишило его возможности прикоснуться к любимым инструментам – банджо и гитаре, но в шатре часто звучала музыка. Участникам одной из встреч запомнилось, как Иосиф Павлович читал Петру Павленко свою «Заздравную песню»:

Что любится, чем дышится,
Душа чем ваша полнится,
То в песенке услышится,
То в песенке припомнится.

А мы споём о родине,
С которой столько связано,
С которой столько пройдено,
Хорошего и разного!..

Павленко был растроган едва ли не до слёз. Но не все из гостей шатра оказывались искренними друзьями. Архивы спецслужб до сих пор хранят тайну о том, кто именно из собеседников Уткина писал в особый отдел самые подробные сообщения о содержании полуночных задушевных разговоров. Парадокс, но из доносов сегодня мы можем узнать, о чём думал поэт, о чём говорил. Вот его слова, ставшие достоянием чекистов:

– Руководство идеологической областью жизни доверено людям, не только не любящим мысли, но равнодуш-

ными к ней. Все поэты похожи друг на друга, потому что пишут политическими формулами. Образ изгоняется потому, что он кажется опасным, ведь поэтический образ – это не таблица умножения. Они хотели бы сделать из советской поэзии аракчеевские поселения, где всяк на одно лицо и шагает по команде. Я как поэт на шагистику не способен и поэтому опасен: ведь за мной стоит широкий читатель, до сердца которого я легко дохожу. Этот читатель думающий, а потому тоже опасный, конечно, с точки зрения партийного бюрократа. Управление литературой, управление поэзией! Поэзией нельзя управлять, для неё можно создавать благоприятные условия, и тогда она цветёт, но можно надеть на неё смирительную рубашку, и тогда она есть то, что печатается в наших журналах. Она обращается в казённую свистульку.

А здесь ещё более дерзкие оценки:

– Всякую самостоятельность бюрократия, правящая государством, убивает

в зародыше. У нас такой же страшный режим, как и в Германии. Мы должны победить немецкий фашизм, а потом освободить самих себя. С фронта придут люди, которые захотят, наконец, получше жить, посвободнее. Мы ещё увидим, как изменится государственная форма нашей жизни, не может без конца продолжаться парадоксальное положение, когда наряду с «лучшей конституцией» у нас – наихудший режим, режим полного попрания человеческой свободы. Нужно спасать Россию, а не завоёвывать мир…

Сложно представить и понять, что творилось тогда в душе фронтового поэта. Конечно, бунт, мятеж в военных условиях был невозможен. Однако настроение прорывалось в стихах. Время как будто требовало пафоса, плакатности – вспомнить статьи тех лет в «Правде», «Красной звезде», очерки Ильи Эренбурга, Леонида Леонова, Всеволода Вишневского… Душа поэта просила иного. Да, у людей, прошедших сквозь вой-

ну и ужасы репрессий, вырабатывалось стойкое, органическое неприятие пафоса и, как следствие, на смену ему укоренялась привычка смотреть на всё происходящее с изрядной долей иронии. Кто-то шёл дальше – от недавней романтики до стойкого отрицания, до глумления… Но не этим путём мог идти Иосиф Уткин.

Если вдуматься, его первые военные стихи были плакатны, например, «Советской женщине» (1941):

Делили радости и беды,
Теперь опять делиться нам,
Опять нелёгкий труд победы,
Как хлеб, мы делим пополам.

То же и «Песня о родине и матери» (1941), пафосны «Народный фонд», «Слава русскому штыку». Но плакатные строки не поются. И вот появляется очень лиричное стихотворение «Петлицы»:

Не могли бы вы, сестрица,
Командиру услужить?
Не могли бы вы петлицы
На шинель мою пришить?

Столь же напевны «Если я не вернусь, дорогая…» (в духе русской песни и классической поэзии, 1942), песни «Солдатская» и «Казачья» (1942), старая солдатская песня «В дороге» (1942). В стихах Уткина того времени – перекличка с Лермонтовым, Некрасовым, Пушкиным, с современником Заболоцким. На многие годы читателям военной поры запомнились стихи «Ты пишешь письмо мне», «Допрос», «Стою в смятенье у порога», «Проводы» (1942), «После боя», «Фронтовик», «Затишье» (1943), «Моряк в Крыму» (1944). Истинный шедевр – написанное в 1943 году стихотворение «Русской женщине»:

Русской женщины тихая прелесть,
И откуда ты силы берёшь?

Так с тобой до конца и не спелись
Чужеземная мода и ложь…

Как же так: и тюремную участь,
И войну, и нужду, может быть,
Глаз твоих голубая живучесть,
Не померкнув, могла победить?

Не такой ли ты просто породы?
Не таких ли ты просто кровей?
Уж не в недрах ли русских – природа
Неподкрашенной силы твоей?

И одна ли роса оросила
И тебя и родные края?
И, как самое имя «Россия»,
Не извечна ли прелесть твоя?

А вот отрывок из едва ли не последнего стихотворения – «Послушай меня» (1944 год):

…Здесь громкие речи,
товарищ, не в моде,

Крикливые песни совсем не в ходу,
Любимую песню здесь люди заводят –
Бывает, у смерти самой на виду!
И если тебя у костра попросили
Прочесть, как здесь принято,
что-то своё –
Прочти им без крика, стихи о России,
О чувствах России к солдатам её,
Как любят их дети,
как помнят их жёны…

Может быть, с течением лет из лирических зарисовок сложились бы эпическая поэма, стихотворный вариант романа «Жизнь и судьба», как у Василия Гроссмана. Но на войне всё оборвалось в одночасье. Осенью 1944 года, возвращаясь с фронта, Уткин летел на самолёте. Утром был сильный туман, и самолёт разбился на подлёте к московскому аэродрому, при посадке. Когда разбирали обломки, увидели в левой руке Иосифа томик Лермонтова. Матери погибшего долго ещё говорили, что сын жив и скоро вернётся с фронта…

Хотя и почти забытые ныне массовым читателем, стихи Уткина – частица сокровенной литературной истории Орловщины и Брянщины, частица народной памяти о грозных событиях первой половины века XX, о сражениях и славных победах. Как старая легенда, как былинная песня, живые строки Уткина пройдут «сквозь толщу лет» к потомкам героев былых времён. И добрым словом помянут будет певец во стане русских воинов.



«СКВОЗЬ ЧЁРНЫЙ ПЛЕН ЗЕМЛИ СВОЕЙ РОДНОЙ…»

[Сергей Наровчатов и Михаил Луконин]

С поэтом Сергеем Наровчатовым Ольга Берггольц познакомилась в июне 1940 года в Коктебеле, в доме Волошина. Ей тридцать лет, она окончила Ленинградский университет, поработала в Казахстане (разъездной корреспондент газеты «Советская степь») и снова в Ленинграде (редактор комсомольской страницы в многотиражке завода «Электросила»), издала несколько стихотворных сборников и книг для детей. Как вспоминали современники, это было «чистое, доверчивое существо, с сияющими глазами, обаятельный сплав женственности и размашистости, острого ума и ребячьей наивности».

А в глазах у «наивной женщины», приехавшей в Крым, уже вселенская грусть и скорбь: в декабре 1938 года

Ольгу Берггольц по ложному обвинению отправили в тюрьму и только в июне 1939-го выпустили на свободу. Когда её арестовывали, она ждала ребёнка, но из-за пыток ему не суждено было увидеть белый свет. Расстрелян первый муж Борис Корнилов, умерла младшая дочь Майя, а затем и старшая – Ирина…

Сергею Наровчатову 21 год, он недавний студент Московского института истории, философии и литературы. Но юность порой обманчива на вид: Сергей вместе с матерью уехал на Колыму, где отбывал срок его отец. В 16 лет в магаданской тайге убил медведя. А ещё он пошёл добровольцем на войну с Финляндией. И его первые стихи были о той «незнаменитой войне»…

Когда-то в детстве Наровчатов уже был в Коктебеле. По-мальчишески познакомился тогда здесь со знаменитыми поэтами, с революционными активистами из Германии, Венгрии, Испании. А вот теперь новая встреча…

«У незнакомки были светло-льняные волосы, показавшиеся мне выгоревшими, но лицо её ещё не тронул южный загар, и, значит, она привезла их такими с севера. И уж, конечно, с севера привезла она свои глаза, тоже лён, но не жёлтый, голубой. Впрочем, это было впечатлением лишь от цвета глаз, а так они были прозрачны до самого дна. Взгляд их был прям, обнажён и бесстрашен до отчаяния». Такой была Ольга Берггольц в то лето, такой запомнил её Сергей Наровчатов (он скажет позднее: «Знакомство, начавшееся под репродуктором, сообщавшим: «Немецкие войска вошли в Париж»»).

О днях того лета Ольга Берггольц написала в стихотворении «Ласточки над обрывом»:

Как обрадовалась
я твоему прикосновенью,
Ласточка, судьба моя,
трепет, дерзость, искушенье!

Точно встала я с земли,
снова миру улыбнулась.
Точно крылья проросли там,
где ты крылом коснулась.

«И вот грянуло 22 июня, рассёкшее жизнь каждого из нас на две части. Долго спустя мы будем мерить назначенный нам путь бытия двумя мерками «до» и «после». Наши дочери и сыновья не знают этого деления и, даст бог, не узнают его никогда. Война разметала всех нас в разные стороны», – напишет много лет спустя Наровчатов.

Ольга Берггольц осталась в осаждённом Ленинграде. Она пошла в Союз писателей к Вере Кетлинской и спросила, чем может быть полезна. Кетлинская направила Берггольц в распоряжение литературно-драматической редакции радио. И совсем скоро тихий голос Ольги стал голосом долгожданного друга в полумёртвых блокадных ленинградских домах, стал голосом самого Ленинграда.

Это превращение показалось едва ли не чудом: из автора мало кому известных детских книжек и стихов, про которые говорилось «это мило, славно, приятно – не больше», Ольга Берггольц вдруг стала поэтом, олицетворяющим стойкость Ленинграда: именно её голос возвещал на весь мир то, что город жив и борется.

Сергей Наровчатов с июля 1941 года воевал в истребительном батальоне комсоргом, а в сентябре по решению Главного политуправления Красной Армии его перевели в редакцию газеты 13-й армии «Сын Родины» (Брянский фронт). Наровчатов писал: «Заснеженное поле. 10 октября 1941 года. Первый мокрый снег упал на Брянщину, и на нём наши шинели выделяются как напоказ: бей, не хочу! И по нам бьют прицельно, не спеша, на выбор… Я помню страшные дороги отступления – мы прошли их с Михаилом Лукониным, выходя из окружения брянскими лесами и орловскими нивами». А получивший ранение в тех боях волжа-

нин Михаил Луконин в своих воспоминаниях писал так: «Мы пошли за красным околышем батальонного комиссара, из шестидесяти нас осталось двадцать, потом в схватках и дальше таяла наша группа. В одном месте немцы ещё раз окружили нас, схватили за руки комиссара, и он успел выстрелить в себя. Эта осень была прощанием с юностью… Наши полегли длинной дорогой из окружения, а мы всё-таки вышли к Ельцу – я и Серёжка… 10 ноября 1941 года, пройдя почти четыреста километров из окружения, мы – несколько уцелевших в боях корреспондентов армейской газеты «Сын Родины» – прошли в Елец, разыскали штаб своей армии, свою газету, вновь сформированную из газетных работников Курска.

Новый редактор газеты – толстый рыжий майор – встретил нас с холодком: «Вы из окружения? Газета уже укомплектована, я вас знать не хочу!»

Нас посадили в сарай с соломой и каждый день вызывали на допрос:

– Почему остались живы?.. Где были целый месяц?.. Как это он застрелился, трус! – кричали они про нашего бывшего редактора …

– Редакция от вас отказалась. Редактор сказал, что ему не нужны окруженцы, – говорили нам.

После четырёхсоткилометрового бега через Брянские леса это было тяжёлым ударом. Сергей таращил свои голубые глаза и не верил происходящему.

И только бесконечное шествие танков, свежий вид войск, проходивших по улицам вечереющего Ельца, отодвигали нашу обиду, наполняли чувством силы».

Окруженцам повезло – на них обратил внимание высокий политрук в длинной шинели. Луконин запомнил, как Абрам Ришин, бывший сотрудник «Курской правды», а теперь начальник партийного отдела газеты, спросил, протирая очки:

– Это вы пришли? Мне сказали, что это вы… Как выбирались? Что видели? Где другие товарищи?..

Луконин вспоминал: «За очками жили беспомощно близорукие, но добрые и очень внимательные глаза. Потом мы оказались в политотделе, там получили предписание продолжать службу, повеселели и ожили. Захотелось все рассказать этому политруку, работать с ним рядом. А он всё расспрашивал и расспрашивал нас на обратной дороге, потом остановился и сказал:

– Это должны знать все!

Ночевали мы у него. Наутро Ришин собрал всех работников газеты, и мы рассказывали о нашем боевом пути, о редакционных работниках, погибших в неравных схватках».

Так редактора-чинушу заставили взять в газету вышедших из окружения коллег, а Луконин и Ришин подружились – на всю оставшуюся жизнь. Луконин вспоминал: «С того дня и до его последней поездки в дивизию мы много и подолгу разговаривали с ним, и всякий раз я поражался его человеческой цель-

ности. Он был скромен до застенчивости и наивен в мелочах быта. Наши взаимоотношения с редактором и в дальнейшем были тяжёлыми. В газетной работе и в боевых действиях он не разбирался и держался только на том, что хорошо пел. По вечерам из открытых окон политотдела можно было услышать упоенный тенорок: «Вот мчится тройка почтовая…» Это наш майор развлекал загрустившее командование. Зато в редакции у него появлялся грозный бас, он грозил, командовал, кричал…

Самый «штатский» человек в редакции Абрам Ришин не щёлкал каблуками и не козырял излишне. Бывало, глянет сквозь очки наивно и удивлённо, и сразу наш редактор покраснеет до ушей, замолкнет до другого раза.

В письмах Абрама Ришина есть упоминания о наших совместных дорогах на передовую. Помню его сутуловатую фигуру, шагающую впереди, полевую сумку, бьющую по колену, оттянутый писто-

летом ремень. Иногда на меня попадал луч солнца, отброшенный его большими очками, он оборачивался и спрашивал:

– Не устал?

– Нет, что ты! – заверял я, отряхиваясь от усталости. Он очень любил ходить пешком. На переднем крае на него сердились:

– Пригнитесь, политрук, что вы маячите!..

Из ходов сообщений, из окопов торчала его громадная каска, а он всё шёл и шёл из окопа в окоп, из блиндажа в блиндаж, только поспевай за ним! И всё расспрашивал, и перед ним раскрывались души, он был замечательно прост.

Иногда мне казалось, что он не понимает опасности. Но стоило проникнуть сквозь очки, и сразу видна была в уголках его расплывчатых глаз умная его улыбка – всепонимающая, полная веры и сознания долга.

Часто мы ездили порознь. Иногда он встречал меня в редакции. Всегда, с пер-

вых слов, он удивлял тем, что, оказывалось, всё знал о твоей дороге, о том, где ты был, как себя вёл, что делал. И жадно расспрашивал о подробностях боя».

30-летний Абрам Ришин героически погиб в октябре 1942 года. Михаил Луконин посвятил его памяти стихи «Ты всегда впереди летел…».

Ты всегда впереди летел,
И всё тебе подвиг мал.
Ты больше требовал и хотел,
Ты шире, чем мы, шагал.
В тот день для встречи спешил любой,
Дороги были плохи,
Еще показываться перед тобой
Стеснялись мои стихи.
Абрам, ты нам говорил не раз:
Когда умирает друг,
Мы слезой не туманим глаз,
Не опускаем рук.
Идти – запомнив его лицо,
Идти, как товарищ шёл…
Убивших тебя – убить.

Остаток патронов собрать твоих,
Каску надеть твою,
Жить за двоих, гореть за двоих,
Стоять за двоих в бою…

Есть у Луконина и стихотворение «В Ельце» (1941) – о том, как шли бои за город:

Пленный пляшет.
Молодой ещё немец.
Руки в рукава,
подняв невысокий ворот.
Ночь идёт по Ельцу,
не успевая за теми,
что в атаку идут,
открывая задымленный город.
Дом полуразрушен.
Рассвет освобожденье приблизит.
Толпятся разведчики,
бодрствующие ночами.
Пришли с донесением
к командиру дивизии,

За столом –
начальник политотдела Качанов.
Он слушает донесение
и спрашивает: «Скоро?»
Скоро город будет освобождён.
Ожидая допроса,
в зелёных шинелях
в полутьме коридора
Пляшут словоохотливые пленные,
шмыгают носом.
Город осыпается
трескотнёй пулемётной.
Автоматчики у тюрьмы,
засели на колокольнях.
Город наш. Рассвет начинается.
Вот он!
Люди выходят,
прищуриваясь невольно…

Орловские «адреса» у стихов Сергея Наровчатова «В те годы», «Осень», «В кольце», «Облака кричат», «Письмо о письме»…

Осень

Я осень давно не встречал в лесу
И, удивленный, глазею в оба,
Как в тихих ладонях ветры несут
Кленовое золото высшей пробы.
Как на юру, выгорая дотла,
Спеша на тщеславье
богатство выменять,
Сыплют червонцами вяз и ветла
И другие, которых не знаю по имени.
Я даже забыл, что идет война,
А чтоб до войны до этой добраться,
Лишь из лесу выйди – дорога видна,
И шесть километров в сторону Брянска.

В кольце

…От семи смертей никуда не уйти:
Днем и ночью
С четырех сторон сторожат пути
Стаи волчьи.
И тут бы на жизни поставить крест…
Но, облапив ветвями густыми,
Вышуршит Брянский лес

Твое непокорное имя.
И пойдешь, как глядишь, – вперед.
Дождь не хлещет, огонь не палит,
И пуля тебя не берет,
И болезнь тебя с ног не валит.
От черного дня до светлого дня
Пусть крестит меня испытаньем огня.
Идя через версты глухие,
Тобой буду горд,
Тобой буду тверд,
Матерь моя Россия!

Облака кричат

По земле поземкой жаркий чад.
Стонет небо, стон проходит небом!
Облака, как лебеди, кричат
Над сожженным хлебом.
Хлеб дотла, и все село дотла.
Горе? Нет… Какое ж это горе…
Полплетня осталось от села,
Полплетня на взгорье.
Облака кричат. Кричат весь день!..
И один под теми облаками
Я трясу, трясу, трясу плетень
Черными руками.

Когда Михаила Луконина в августе 1942 года представили к медали «За боевые заслуги», в наградном листе были названы не только его ратные подвиги (участие в боях Великой Отечественной и советско-финской войн, ранение, взятие «языка», спасение раненого политрука), но литературные. Процитируем часть этого уникального документа: «Его поэма «Подвиг» описывает доблесть шести разведчиков во главе с Хлопенко (148-я дивизия), занявших село Приволье. Эту поэму знают бойцы и командиры дивизии. Поэма «Леонид Маркиш» посвящена бессмертному подвигу храброго сержанта, погибшего в боях за Елец. Стихи «Встреча», «Красная Армия», «Правосудие», «Сыну» накаляют ненавистью красноармейцев к фашистским варварам… Литературная деятельность тов. Луконина, его личная отвага характеризуют его как писателя-бойца».

Михаил Луконин вспоминал: «Осень 1942 года. Госпиталь в Ельце помещал-

ся в подвале старинного дома с толстенными каменными стенами. Мы лежали в комнате со сводами, и наверху, под самым потолком, мерцало окно, затуманенное осенней непогодой. Что-то монастырское было в нашей палате, сумеречное и тягостное; мы все – двадцать разных людей – томились и нервничали. Я один из всех мог вставать и передвигаться, держась за кровати, и как-то мне даже удалось подняться к окну.

– Что там делается? – оживились лежащие друзья.

И я стал для них описывать улицу, прохожих, проезжих. Чтобы было интересней, я стал придумывать, говорить о том, чего не видел на улице… Мне почему-то очень помнится эта моя роль, она чем-то сходна с поэзией. Тут у меня и начало закипать стихотворение «Мои друзья», хотя написал я его значительно позже».

На фронте Сергей Наровчатов пытался восстановить переписку с Ольгой Берггольц. Она была давно уверена, что

он погиб. «Зимой 1942 года я послал наудачу письмо в блокированный Ленинград. В него я вложил стихи, написанные незадолго перед тем. «Запоминал: над деревнями пламя, и ветер, разносивший жаркий прах…» Письмо пересекло блокаду – чудо, но это так! – и я получил ответ».

Не зимой 1942 года, как пишет в воспоминаниях Наровчатов, а весной, 25 апреля 1942 года им было послано первое письмо. Это не просто письма, а письма с фронта, в которых факты, мысли и чувства сконцентрированы до предела, потому что автор их всегда помнил, что следующего письма может и не быть, знал, что они не всегда доходят до адресата (а так и было не раз), тем более если идут через огненное кольцо блокады. Поэтому в письмах случаются и повторы, поэтому в них сразу обо всём: о военных буднях, скупые сведения о себе и много поэзии.

Письма Сергея Наровчатова переполнены стихами, рождёнными сразу после боёв. На фронте шло его станов-

ление как поэта, здесь были созданы его лучшие строки. И в письмах к Ольге Берггольц они в своём первозданном виде.

«Действ, армия 25/IV – 1942 г.

Оленька!

Писал тебе. Получила ли ты мою открытку? Я седьмой месяц на фронте. Видел столько, что на 20 лет вперед хватит. Вот один месяц из прожитых мной:

Я проходил, скрипя зубами, мимо
Сожжённых сел, казнённых городов,
Сквозь черный плен
земли своей родимой,
Завещанной от дедов и отцов.

Запоминал: над деревнями пламя,
И ветер, разносивший жаркий прах,
И девушек, библейскими гвоздями
Распятых на райкомовских дверях.

Запоминал: как грабили, как били,
Глумились как, громили второпях,
Как наши семьи в рабство уводили
И наши книги жгли на площадях.

И был разор. И все бесчинства метил
Паучий извивающийся знак.
И виселицы высились. И дети
Повешенных старели на глазах.

Старухи застывали на порогах
И вглядывались, темны и строги,
– Российские исконные дороги
Немецкие топтали сапоги.

В своей печали древним песням равный,
Я сёла, словно летопись, листал
И в каждой бабе видел Ярославну,
Во всех ручьях Непрядву узнавал,

Крови своей, своим святыням верный,
Слова старинные я повторял, скорбя:
– Россия, мати! Свете мой безмерный!
Которой местью мстить мне за тебя?!?

Всё написанное здесь – сам видел и пережил. Немцев мало сказать – ненавижу, когда думаю или говорю о них, пятки трясутся от злобы. Я их трижды ненавижу – как русский, как коммунист и как человек… Вместе со мной, с первых дней войны мой старый товарищ – Михаил Луконин, человек смелости безупречной и прекрасного и возвышенного образа мыслей, как выразились бы наши прадеды. Из серьёзных боёв, которые я прошёл, назову бои под Брянском и под Ельцом. Тебя я помню и люблю неизменно. Помню тебя –

Где солнце в полнеба,
где воздух как брага,
Где врезались в солнце зубцы Кара-Дага,
Где море легендой Гомеровой брошено,
Ковром киммерийским
у дома Волошина!

Милое твоё лицо и сейчас передо мной. Сколько я хорошего у тебя взял,

Оленька! Большая война идёт. Россию отстаиваем, коммунизм утверждаем… Мы победим, во что бы то ни стало. В войне с саламандрами победят люди. Тогда мы снова вернемся в свои освещённые праздничные города и… Тогда мы встретимся, Оленька, и многое-премногое расскажем друг другу. Пиши мне. Я знаю, как трудно вам в осажденном городе. Но ленинградцы становятся легендой, и о вас уже сейчас слагают песни.

Я верю и знаю свою Ольгу. Оставайся такой же, какой я тебя знал, моя чудесная. Целую тебя горячо

Сергей».

В блокадном городе Берггольц написала поэму «Февральский дневник». Весной 1942 года, когда Ольге удалось прилететь в Москву из осаждённого Ленинграда, она передала поэму родителям Наровчатова, не рискуя пересылать её почтой на фронт. Он писал ей:

«29/IV – 42 г.

Оленька!

Твоё письмо потрясло меня. Земной поклон тебе и твоему Городу. Мне трудно писать – так я ошеломлен тобой. Знаешь ли сама – что ты?

Ты снова уехала туда. Я руку закусил, когда прочел, в глазах темно стало. И все-таки это правильно, справедливо. Красивая ты моя!

Сейчас, что ни день – то лист из книги Бытия. Всю меру древнего горя испытали мы и прибавили к нему своё.

Я проходил, скрипя зубами, мимо
Сожжённых сел, казненных городов…

[Далее повторено стихотворение из первого письма. – А.К.].

Здесь нет ни одной строки – заживо не виденной, не пережитой. В октябре прошлого немцами, я вспоминал себя в предках времён «Слова» [«Слова

о полку Игореве». – А.К.] и набега Батыева. В селе Хацунь, где немцы перебили всё население 312 человек от грудных младенцев до стариков только за то, что они русские (об этом было в газетах), где они распяли, да, распяли учительницу и где смерть миновала меня с Луконинным чудом необъяснимым, я узнал настоящее горе и настоящую ненависть».

Очерк Луконина и Наровчатова «Убийцы» о трагедии деревни Хацунь (расположена неподалёку от Карачева), происшедшей 24 октября, был напечатан вначале в армейской газете, а затем в «Орловской правде» – в номере за 21 ноября 1941 года. Поэты обращались к читателю: «Здесь буквально сама земля вопиёт о мщении, родная земля, пропитанная кровью своих сыновей, обугленная пожарищами, усеянная костьми мучеников и пеплом сожжённых жилищ… Народный гнев страшен фашистам. Своё бессилие перед ним они пытаются скрыть неслыханными казнями и террором».

В апреле 1942 года Наровчатов, по всей видимости, ещё не прочёл «Февральский дневник». Эта небольшая, всего в несколько страниц поэма дошла до него позже. Можно только представить, какие чувства в его душе рождали эти строки Ольги Берггольц:

В грязи, во мраке, в голоде, в печали,
Где смерть, как тень, тащилась по пятам
Такими мы счастливыми бывали,
Такой свободой дикою дышали,
Что внуки позавидовали б нам.

О да, мы счастье страшное открыли.
Оно другим неведомо пока,
Когда последней коркою делились,
Последнею щепоткой табака.

Когда вели полночные беседы
У бедного и дымного огня,
Как будем жить, когда придёт победа.
Всю нашу жизнь по-новому ценя.

За работу на ленинградском радио, за стихи Ольгу Берггольц уже в 1960-е годы наградили орденом Ленина и орденом Трудового Красного Знамени. В послевоенные годы Сергей Наровчатов истово трудился, стал одним из руководителей Союза писателей СССР, был отмечен званием Героя Социалистического Труда, но это были уже совсем другие стихи, не похожие на окопную правду.

Наровчатов не терял дружбы с лауреатом Сталинской премии 1948 года Михаилом Лукониным (хотя встречались куда реже, чем на войне), и нетрудно представить, говорили они о том, что мирная жизнь сложилась далеко не такой радужной, как виделась на фронте. Геройство оказалось невостребованным. Наровчатов, как бы оправдываясь, сетовал на встречах с читателями: «У каждого своя жизнь, свои заботы, а у этой жизни и забот, связанных с ней, определённая логика…» Спустя четыре года после изгнания Твардовского с капитан-

ского мостика в «Новом мире» (его заменил тогда Валерий Косолапов) место редактора главного литературного журнала страны предложили Наровчатову.

Задолго перед этим оборвалась давняя переписка с Ольгой Берггольц. Наверное, изменился не только Наровчатов, стала другой и его ленинградская собеседница. Невольно станешь куда строже и требовательнее к себе, когда твои слова «Никто не забыт, и ничто не забыто» высечены на граните Пискарёвского кладбища, где покоятся сотни тысяч твоих современников, убитых войной.

Та нить сердечного общения, которая выдержала испытание войной и временем, оказалась беззащитна перед чем-то другим. Ольга Берггольц умерла в 1975 году, Михаил Луконин – в 1976-м, Сергей Наровчатов – в 1981-м.

«ТОЛЬКО ЖИТЬ И ЖИТЬ НАМ, ПОБЕЖДАЯ»

[Валентин Шульчев]

Поэтом-партизаном мы по традиции именуем Дениса Давыдова. Но ведь были в российской истории и другие люди, которые достойны этого высокого воинско-литературного звания. Один из них – Валентин Иванович Шульчев.

Он родился в 1914 году в селе Староюрьево на Тамбовщине в семье сельского учителя. Окончил педагогический техникум, работал учителем сельской школы. С детских лет писал стихи, «печатал» их в стенгазетах и рукописных сборниках. Первые серьёзные публикации состоялись в 1931 году – сначала в районной печати, затем в журналах «Комбайн», «Красноармеец и краснофлотец», в воронежском «Подъёме». В 1934 году был делегатом первой конференции писателей Воронежской области. Его стихи

оказались необыкновенно востребованы в печати тех лет: имя Валентина Шульчева мы встречаем в альманахе «Литературный Воронеж», в поэтическом сборнике «Дружба» (Воронеж, 1940), в московских журналах «Красная новь», «Молодая гвардия», «Молодой колхозник», «Колхозная новь».

В 1939 году Шульчев заочно окончил Воронежский педагогический институтс отличием, был рекомендован в аспирантуру на кафедре литературы. В ноябре 1939 года молодого учителя призвали в Красную Армию. Войну он встретил на границе, но и в грозные дни 1941 года не забывал о стихах. Его фронтовые вирши, сатирические произведения печатались в дивизионной и армейской газетах, в газете Южного фронта «Во славу Родины!».

Летом 1942 года в боях под Харьковом Валентин Шульчев был ранен и попал в плен. Несколько раз бежал, был приговорён к расстрелу, снова бежал из концла-

геря, пешком добрался до пределов Курской области. Так «окруженец» Шульчев стал бойцом Дмитровской партизанской бригады (Дмитровск, Тросна и Малоархангельск до 1944 года входили в состав не Орловской, а Курской области).

Ветеран партизанского отряда Валентин Баранчиков вспоминал: «Мы, тогдашние собратья Валентина по оружию, лесные воины, горячо любили худощавого, всегда чисто выбритого младшего лейтенанта Шульчева за его неустрашимость в боях, за песенную душу, весёлый характер».

А вот что рассказывал о Шульчеве другой ветеран – И. С. Макаров: «Партизаны были в восхищении от него. Его стихи распространялись по партизанским сёлам Орловщины и Курщины, ребятишки на улице громко их декламировали. В боевом листке появились его частушки и пословицы. Мы заучивали их. Поймав полицая, ребята часто «сопровождали» его стихами:

Полицай и староста,
Под конвой, пожалуйста!
Будет тебе туго,
Немецкая прислуга!».

Часто в минуту отдыха звучали в партизанском кругу задорные частушки Шульчева:

Партизанская работа –
Немцам горе да забота:
Что ни день, то под откос
Свален новый паровоз.

Псы фашистские бегут,
Вшивые, голодные.
По фашистам с тыла бьют
Мстители народные.

В 1942 году во время боёв под Дмитровском Валентин Шульчев написал «Песню орловских партизан»:

Немецкими танками смяты посевы.
Свинцовая хлещет пурга.
Но грозное пламя народного гнева
Бушует в тылу у врага.

Мсти врагу беспощадно и смело!
Мать Отчизна, мы слышим твой зов!
В бой выходят за правое дело
Партизаны орловских лесов.

Враг злобствует
в бешеном страхе и дрожи,
Но Родина нам дорога.
Ряды партизанские ширя и множа,
Народ наш встает на врага.

На воздух мосты, эшелоны и склады!
Берись за топор и за нож!
Свинцом и гранатой,
штыком и прикладом
Фашистских собак уничтожь!

Крылатые строки печатались в партизанских газетах, ходили с народными

мстителями в разведку и на подрыв эшелонов врага. Поэт всегда носил в сумке с боеприпасами толстую тетрадь в синей коленкоровой обложке. Она была вся заполнена стихами. Его мечтой было написать поэму «Орловщина» – над ней он работал в последние месяцы своей жизни.

В тылу врага мы бьёмся непреклонно,
Повсюду наши зоркие посты.
Взлетают к небу вражьи эшелоны,
Пылают склады, рушатся мосты.
За нашу кровь, за слёзы и за раны
Мы вражьей своре предъявили счёт.
Смелее в бой, лихие партизаны,
За Родину, за партию – вперёд!
Мы знаем всё и всюду нам дорога –
В глухую полночь, вьюгу и туман.
Нас было мало – нас теперь так много,
Растут отряды курских партизан.
Враг будет бит.
Фашистской банде чёрной
Не жить на нашей радостной земле.
Разведка наша в Курске, и Касторной,

Друзья у нас и в Брянске, и в Орле.
Кровавым гадам нет у нас пощады,
Берутся сёла за топор и нож.
Штыком, гранатой, пулей и прикладом
Врага найди, свали и уничтожь!

Широкая панорама боевых действий представала в стихотворении «Дорога на Запад»:

Над просторной рекой убегала дорога
Мимо зарев и рваной трепещущей мглы,
И над нею маячили хмуро и строго
Переломанных сосен кривые стволы.
Там валялись разбитые, смятые танки,
Пушки немо, как брёвна,
лежали вразброс,
И на талой земле громоздились останки
Обгорелых лафетов, цепей и колёс.
И над сталью танкеток,
валявшихся с краю,
Над деревьями, сбитыми в тесный завал,
Умирало тяжёлое, мутное пламя,
И, горя, раскалённый металл застывал.

Дым качался и падал в окопы и щели,
И по выжженным рощам разгуливал чад,
И в далёкое небо сурово глядели
Неподвижные лица немецких солдат.
Так вершится итог и кончаются сроки,
И разбитое судно садится на мель.
И просторной могилой земля на Востоке
Обернулась любителям новых земель…

Шульчев составил сборник «Партизанские пословицы»: «Лес да поляна – жилище партизана», «Партизан работал чисто – прямо в гроб загнал фашиста», «Где сугроб – там ему и гроб». Говорил друзьям: «Сколько прекрасных людей, сколько подвигов, что ни день, то тема для целой поэмы и повести, – жаль, времени писать нет. Война, тревожное время… Знаете, у меня двое ребят. Любил я с ними играть. Я очень люблю детей. Поэтому я и стал педагогом. Кончится война, буду в школе преподавать литературу и – писать, писать…».

Поэт погиб в феврале 1943 года у посёлка Ивановское (десять киломе-

тров юго-восточнее Дмитровска), когда оттуда выбивали фашистов. Партизаны получили приказ выйти на соединение с передовыми частями Красной Армии – два батальона красноармейцев из последних сил бились с немцами, им срочно нужна была подмога. Бой длился несколько часов, не раз переходил в рукопашную схватку. Его товарища ранило, и Валентин пополз на помощь. Разрывная пуля попала ему в живот. А к вечеру посёлок был освобождён, партизанский отряд пробился к советским войскам.

Вместе с поэтом-партизаном была заветная тетрадь. В ней такие строки:

Может быть, и мне придётся круто.
Повстречавший смертную беду,
Как свою последнюю минуту
Я в бою последнем проведу?

Труден будет этот час суровый.
Но, с врагом сойдясь лицом к лицу,
Вспомню я Егора Гайдукова
И умру, как следует бойцу.

Только жить и жить нам, побеждая,
Сил и песен звонких не тая.
Сторона родимая лесная!
Партизанские края!

Егор Гайдуков – герой стихотворения Шульчева «Мужество», партизан, пустивший под откос четыре вражеских эшелона. Вместе с ним на боевые задания ходил и поэт:

…Я опять припомню и увижу
Сталь ружья, зажатую в руке.
И едва поскрипывают лыжи,
И мерцают рельсы вдалеке.

Провода, гудящие при ветре,
Крыши будок – как ребро ножа.
Там стоят на каждом километре
Патрули, посты и сторожа.

Только – что они для партизана!
Скрытый ночью, мутной, словно дым,
Он придёт, негаданный, нежданный,
И опять уйдёт, неуловим.

И они уходят. И за ними
Загремит и рухнет под уклон
В тяжком лязге, в пламени и дыме
Шедший к фронту вражий эшелон…

Слава вам, прямым и непреклонным!
Снова тропы падают в туман.
За каким по счёту эшелоном
Ты идёшь бесстрашный партизан?

Валентина Шульчева похоронили с воинскими почестями в Дмитровске. Тетрадь его стихов какое-то время хранил комиссар отряда Фёдор Рудых. Он читал их в кругу бойцов, кто-то переписывал строки своего товарища в заветные тетрадки. Обстоятельства военного времени были таковы, что многие стихи Шульчева не сохранилось – это судьба и отдельных стихотворений, и всех набросков поэмы «Орловщина». Не только люди, но и искренние строки погибали на войне, как безымянные герои…

В 1950-е годы родные и друзья Валентина Шульчева многое сделали для

увековечения его памяти, буквально по строфе были собраны его произведения. Очерки о поэте, подборки стихов были опубликованы в местных газетах, в журнале «Подъём», изданы в Воронеже в 1960 году отдельной книгой под названием «Жить, побеждая!..». Позднее подборки были помещены в сборниках «Курские народные песни» (Курск, 1962) и «Слово бойца: стихи поэтов-фронтовиков» (Воронеж, 1985).

Есть раздел, посвящённый Шульчеву, в составленной Сергеем Наровчатовым антологии «Имена на поверке: стихи воинов, павших на фронтах Великой Отечественной войны» (Москва, 1963; Мурманск, 1966). Стихи вошли в альманах «День поэзии» (Москва, 1960).

Помнят о поэте-земляке и в родном Тамбове – в 2010 году его сборник вышел в серии «Литературные родники Тамбовского края», строки Шульчева есть в антологии «Капля крови: стихи о войне, о мужестве и долге» (1995), в хрестоматии «Литературное краеведение» (2006).

«ЗУБЫ СТИСНУВ, МЫ ШЕПТАЛИ: ПОЩАДЫ, ПОДЛЫЙ ВРАГ, НЕ ЖДИ!»

[Михаил Аметистов]

Военное стихотворение «Девушка из Мценска» довольно часто можно встретить на страницах книг, альманахов, изданных в последнее время на Орловщине. А вот об авторе этих стихов, Михаиле Евгеньевиче Аметистове (1909–1985), составители читателям почему-то не рассказывают…

Михаил Аметистов родился в семье священника в кубанском городке Темрюке. Бурные события конца 1920-х годов забросили его в Воронеж. Работал на электростанции и писал статьи и заметки в воронежскую газету «Коммуна», причём подписывал их не своей «поповской» фамилией, а псевдонимом в духе времени – «Мих. Чужой».

А ещё писал стихи, такие, например, как «Сосны»;

В соснах чуток
Каждый снежный шорох.
Небо –
Глазу –
Омут.
Тонут сосны,
В солнечных озерах
Тонут.
Сыплют иглы.
Звоны переливно
В шорох,
В солнце,
В сини…

Шесть лет служил на Балтийском флоте. Михаил Аметистов был уже признанным журналистом, когда в начале 1938 года его отца Евгения Васильевича, в то время архиепископа Карельского, арестовали и расстреляли.

Но о гибели отца сын узнал только много лет спустя. Не с кем ему было поделиться своей болью. И всё чаще грустные думы становились стихотворениями. Аметистов печатался в альманахе «Литературный Воронеж», выходили в свет написанные им брошюры на злободневные темы тех предвоенных дней.

На фронт он пошёл добровольцем. Был назначен на должность поэта в редакции газеты 3-й армии «Боевое знамя». Воевал в районе Ливен. Здесь в ноябре 1941 года Аметистов был контужен.

Вот строки из его писем жене:

«Дорогая Рая! Что ж тебе написать, глядя на портрет? Немногое, но много! Жду встречи, жизни, не хочу умирать – думаю, что поживём ещё! Вот, пожалуй, и всё» (август 1942 года).

«Всё брожу по частям, нет времени на остановке сесть, сосредоточиться. А сейчас вот раннее утро, передний край совсем рядом, я сижу за самодельным столиком на опушке леса – в гостях

у зенитчиков-пулемётчиков и пишу. Только что они меня «купали». Построили «баню». Баня эта вырыта на склоне оврага. Соломенные стены, пол чистый и сверху на крыше землянки – бочка, подогреваемая костром. От неё – шланг и душ. Чудесно выкупаться. Человеку и на войне порой хочется хоть отдаленно напоминающее мирное жильё…

А совсем недалеко на высотках стреляют. Слышно, как длительно подвывают пули, время от времени рвёт воздух короткая очередь пулемёта.От врагов нас отделяет неглубокая река. Там – на другой стороне – явственно видны деревни, такие же, как и у нас, разрушенные дома и безлюдье, безлюдье, безлюдье. Изредка покажется неосторожный немец. Его можно считать мертвецом. Снайпера-охотники следят непрерывно, ежедневно» (сентябрь 1942 года).

Аметистов не раз писал о лучших снайперах 3-й армии. Поручили ему подготовить в газету подробный (на це-

лый номер) отчёт со слёта метких стрелков, который был организован командованием армии в Спасском-Лутовинове, в усадьбе великого писателя. Аметистову особенно запомнился рассказ одного из снайперов, который был родом с Донбасса. Однажды ночью, зимой, красноармейцы услышали чей-то стон. Оказалось, до наших позиций «с той стороны» из последних сил пробралась девушка… Так сложилось стихотворение:

Метались чёртовы ракеты,
Размазывая ночи грязь,
Когда босой, полуодетой
Она к землянке добралась.

Мы встретили её сурово:
На то военная пора.
Как знать, что не шпиона злого
К нам присыпает немчура?

Она присела сиротливо
И оперлась о край стола,

И черной струйкой торопливо
По синей блузке кровь текла.

Когда ж, поспешно вскрыв пакеты,
Мы стали рану бинтовать,
Такое при коптилок света
Нам удалося увидать,

Что, зубы стиснув, мы шептали:
Пощады, подлый враг, не жди!
– Лучи звезды огнём зияли
На нежной девичьей груди…

Она о муках, о страданьях
Могла немного рассказать.
Какому-то сержанту Ване
Привет просила передать.

Потом заплакала, промолвив,
Что в Мценске под горой жила,
Потом забылась, что-то вспомнив,
А к утру… к утру умерла.

Её в лесу похоронили,
Как друга, павшего в боях,
В почетном карауле стыли,
И грустный вальс играл баян.

И поклялись мы клятвой тою,
Возврата от которой нет,
Что местью воздадим святою,
Какой ещё не видел свет!

За всё, за всё с врагом расплата!
Наш штык везде его найдёт.
За то, что в белом ладном платье
Она к подружке не придёт.

Что на вечёрке не станцует,
Что холодна её рука,
Что в губы уж не поцелует
Удачливого паренька.

И мы друг другу слово дали:
Как только с боем Мценск возьмём,
На боевой горячей стали
Её мы прах перенесём.

На лучшей площади положим,
Цветов прольём душистый дождь,
Чтоб муравой весенних стёжек
К ней приходила молодёжь…

Ещё одно стихотворение о герое было посвящено Николаю Морозу, который, погибая, бросил гранаты во вражеский дзот:

…Он в память себе вписал
Всё, что считал своим,
В вёсны, в лето, в пургу…
Даже над хатой дым
Он не отдал бы врагу!
Всё, что таилось в нём,
Всё, чем он жил и дышал…
И загорелась огнём
Русского парня душа!

Мстить врагу за погибших, за разрушения, за злодеяния… Аметистову принадлежит стихотворение «Убей»:

Бей врага без жалости,
Пусть поганых кровь
Побежит ручьями, реками пойдёт,
К морю-океану
Горе унесёт.
Где б с врагом ни встретился,
Беспощаден будь.
Соверши, товарищ,
Справедливый суд!

Этот же призыв к яростной борьбе – в стихотворении «Истребитель танков»:

Так громи, сокрушай,
Бей и силой, и сметкой,
Русской хитростью бей,
Защищая свой край!
Бей бутылкой с горючим!
Бей гранатой гремучей!
Бей, чем можешь, чем хочешь,
Но вперёд не пускай!

3-я армия долго стояла в обороне в Орловской области, а под командо-

ванием генерала А. В. Горбатова пошла в наступление – это были знаменитые Орловская и Брянская операции 1943 года. Аметистов стал одним из летописцев тех героических дней.

В его наградном листе, датированном июлем 1943 года, отмечалось: «Во время всех наступательных боёв нашей армии постоянно находился на передовых позициях. Он умело и оперативно показывает в газете отличившихся в боях героев и их подвиги. Материалы Аметистова воспитывают у фронтовиков чувство лютой ненависти к немецким захватчикам». Аметистов тогда был награждён орденом Красной Звезды, позднее – двумя орденами Отечественной войны II степени.

Он писал сыну Эрику: «Меня наградили орденом Красной Звезды. Посылаю нашу газету, где в списке награждённых ты найдёшь и мою (а значит, и твою) фамилию. Орден, Эринька, – большая награда, и я его получил за то, что точно

выполнял все приказы, без страха участвовал в боях и, как другие, вместе со всеми, защищал мою, нашу Родину. Запомни это, сыночек».

В освобождённом Воронеже бережно собрали присланные Аметистовым стихи и издали в 1943 году в виде небольшой книжки под названием «У переднего края». В неё вошли стихотворения «Сталин с нами», «Знамя Гвардии», «Землякам», «Девушка из Мценска», «Страна с тобой», «Николай Мороз», «Истребитель танков»… Завершало сборничек фронтового формата стихотворение о старом дубе. В таком понятном каждому русскому человеку образе (вспомним тургеневский дуб или известный со школьных лет дуб Андрея Болконского в «Войне и мире») Аметистов слал читателю надежду на то, что когда-то закончится лихолетье и жизнь восторжествует над смертью и горем:

Свистя, дымясь, сгорая на ходу,
Разрезав небо жаркой полосою,
Снаряд ударил в вековечный дуб
И снег усеял свежею щепою.
И падали осколки, зашипев,
В глубокий снег, насквозь его пронзая.
Без ветра дуб качался и скрипел,
Как бы друзей на помощь созывая.
Смыкалась вкруг лесная тишина,
Туманы шли, и не было подмоги…
Но день настал – широкая весна
Вперёд пошла, не требуя дороги.
Пусть ствол у дуба раной обнажён,
Земля родная соками богата!
Он порослью весёлой окружён
Его побеги – крепкие ребята,
Они стоят зелёною стеной,
А у корней – та смерть, что пролетала,
Лежит осколком, скрытая травой…
Как жалок он,
кусок заржавленный металла!

Евгений Долматовский в своей книге «Автографы Победы» рассказал

о таком военном эпизоде: «Интересно вспомнить, что в тот же день (7 мая 1945 года) мой друг с довоенных времён, воронежский поэт Михаил Аметистов направился в рейхстаг… Узнав, что мы все расписались на рейхстаге, Миша Аметистов решил последовать нашему примеру. Но подойдя к рейхстагу, он увидел свою редкую фамилию на колонне и узнал почерк младшего брата Виктора (инициалов на колонне не было). Значит, Виктор жив! Сведений о нём не имелось давненько, и мать писала Михаилу из Воронежа тревожные письма. И надо же – колонна рейхстага произвела такое успокоительное действие: она стала доброй вестью. Миша Аметистов, убедившись, что младший брат опередил его, расписываться уже не стал: столь приметной фамилии, по его убеждению, достаточно один раз появиться».

После войны Михаил Аметистов снова работал в Воронеже, в редакции газеты, потом в Краснодаре, Сталин-

граде, в Москве – в Агентстве печати «Новости».Сын Эрнест (его назвали в честь Эрнста Тельмана) стал известным юристом, профессором международного права, судьёй Конституционного суда России.

Михаил Евгеньевич как журналист и ветеран войны не раз приезжал в Орёл. Бывал и в Спасском-Лутовинове, поклонился тургеневскому дубу, вокруг которого когда-то собирались бойцы Великой Отечественной… В юбилейном номере воронежского литературного журнала «Подъём», посвящённом 150-летию со дня рождения И. С. Тургенева, напечатали большой очерк Аметистова «На тысячу вёрст кругом Россия».



«НА ОГНЕВОЙ ЧЕРТЕ»

[Яков Хелемский]

Яков Хелемский родился 31 января 1914 года в небольшом городке Васильков под Киевом. «В наследство» от родного местечка, где почти половину населения составляли евреи, ему досталось отчество Айзикович, но со временем на смену пришло другое, простое и привычное всем – Александрович.

Детство и юность будущего поэта прошли в столице советской Украины, в начале 1930-х годов переехал в Москву. Работал здесь в редакциях газет, печатался и как поэт, и как прозаик в «Пионерской правде», в «Комсомольской правде». Первая книга рассказов «Летучая арка» (малого формата, всего 63 страницы) вышла из печати в 1934 году.

Работая в редакциях, Хелемский учился в Институте философии, литературы и истории. Велик был его ин-

терес к истории русской литературы и культуры, однажды побывал в Орле, в музее И. С. Тургенева. Но военные обстоятельства так в итоге и не дали возможности получить диплом. Хелемский был участником освободительного похода Красной Армии в Западную Белоруссию в сентябре 1939 года, участвовал и в советско-финской войне.

Незадолго до Великой Отечественной, с 1 января 1940 года, он был уже в штате «Комсомольской правды», в отделе литературы и искусства. Именно его стихотворение «Идём в бой» стало первым поэтическим откликом на нападение фашистов, напечатанным в этой газете:

Свершилось! Враг осмелился, заклятый.
На нашу землю руку занести.
Свершилось! От заслуженной расплаты
Зарвавшимся безумцам не уйти.

Да будет так! Мы на врагов нагрянем.
Как яростно гремящая гроза.

Когда в бою мы им в лицо заглянем,
Они блудливо отведут глаза.

Повадка их нам издавна знакома.
Они пришли к разбойничьей войне –
От гнусности еврейского погрома.
От книги, погибающей в огне.

Какая спесь в их полоумных фразах!
Вещает миру лающая речь
Бредовые теории о расах,
Чтоб легче было резать им и жечь…

Стихотворение завершалось призывными строками, мобилизующими молодёжь на яростную борьбу:

Мы будем бить их, как бивали деды
У псковских стен и на озёрном льду,
И как отцы, стяжавшие победу
В недавнем восемнадцатом году.

Народ в боях прославил нашу землю,
И здесь конец бесчинствам палача.

Кто на Россию ржавый меч подъемлет.
Тот примет смерть от русского меча!

10 сентября 1941 года в «Комсомольской правде» было напечатано стихотворение Хелемского «"Крестовый" поход»:

…И зарастают сорною травой
Могилы полчищ яростных и диких.
В земле бок о бок с «Мёртвой головой»
Уже лежат «Германия» и «Викинг».

Обычай русский издавна таков –
Земля врагов лишь мертвыми приемлет,
Еще немало вражеских полков
Найдёт могилу на советских землях.

Хелемский не раз подавал заявления в военкомат с просьбой зачислить в ряды действующей армии. Его не призывалипо причине слабого зрения. Но вот настал день – в редакции газеты Брянского фронта «На разгром врага»

из-за тяжёлого ранения выбыл поэт Иосиф Уткин. Он тоже когда-то работал в «Комсомольской правде», в том же отделе, что и Хелемский. Решено было, что в военной газете старшего товарища сменит доброволец из Москвы.

Хелемский быстро влился в ряды фронтовых газетчиков. По всему фронту бойцы распевали его песню «Про Тулу»:

Била метко, била ловко
Убегающих солдат
Наша тульская винтовка,
Знаменитый автомат.

Помнят Ясная Поляна,
Плавск, Одоев и Белёв,
Как полки Гудериана
Драпанули без штанов.

Будет вечно славить Тула
Смелых болдинцев дела.
Тула, Тула перевернула,
В наступление пошла.

Имя поэта стало часто появляться не только в газете «по штату», но и в «Орловской правде» (она тогда была газетой фронтовой области). Первая публикация – стихотворение «Сила стальная» (Орловская правда, 1941, 22 ноября):

Тех, кто в сраженье
Силён и отважен,
Тех, кто фашистов
Без промаха бьёт,
Тех, кто не дрогнул
Под натиском вражьим,
Званьем гвардейца
Венчает народ.

Стихотворение «Нам не забыть» (Орловская правда, 1941, 20 декабря):

Нам не забыть глухие пепелища,
Истерзанные трупы на снегу.
За смерть, за разорённые жилища
Сполна плати свирепому врагу…

Снега темны от крови и от пепла,
Над деревнями стелется угар.
Но в горе наша ненависть окрепла,
И беспощаден будет наш удар!

Также в «Орловской правде» в декабре 1941 года был напечатан очерк военных журналистов А. Кочкурова и Я. Хелемского «Бессмертный подвиг роты Севастьянова». Вообще в славной когорте фронтовых поэтов Хелемский занимает особое место и как постоянный автор «Орловской правды» на протяжении всего времени боёв на Орловщине. В иные периоды здесь его стихи появлялись из номера в номер, например, в феврале 1943 года: «Схватка» (4 февраля), «Ворон» (6 февраля), «Русский солдат» (11 февраля), «На дорогах наступления» (18 февраля), «Песня о пехотинце Белякове» (19 февраля).

Творческая, боевая активность Хелемского получала высокую оценку, о чём можно судить по его наградным листам:

«Поэт фронтовой газеты Яков Хелемский широко известен бойцам и командирам Брянского фронта. Его стихи на разнообразные темы боевой жизни популярны в красноармейских кругах. Тов. Хелемский написал песню 6-й гвардейской дивизии, 9-го гвардейского полка артиллеристов. Особой популярностью пользуется песня Хелемского об Анке Гайтеровой. Все эти песни поют бойцы нашего фронта». Часто бывал в подразделениях первой линии. На поле боя ведёт себя мужественно. Товарищ Хелемский написал десятки поэм, стихов и очерков о героях боёв, о Героях Советского Союза… Каждое его произведение насыщено правдой о жизни и подвигах фронтовиков, их любовью к Родине, их ненавистью к врагу. Своим художественным словом тов. Хелемский помогал командованию воспитать в рядах воинов-фронтовиков чувство жгучей ненависти к врагу и жажду мести к врагам, чувство горячей любви к Родине, партии Ленина-Сталина».

18 апреля 1942 года, когда готовилось весеннее наступление на Орловском направлении (в итоге его приостановили из-за неудач под Харьковом) на первой странице газеты «На разгром врага» появилось вполне понятное по своему призыву стихотворение Хелемского «Орлу»:

Любимый город – мученик и воин,
Твой путь к свободе грозен и тяжёл,
Ты своего названия достоин,
Отважный, не сдающийся Орёл.

Ты с дерзостью поистине орлиной
Глядишь в глаза немецких палачей.
Народной величавою былиной
Звучит рассказ о стойкости твоей.

Ты жив, ты жив! А палачи – не жить им.
Ты, скованный, с врагами битву вёл.
Любимый город – ты боец и мститель,
Неукротимый, яростный Орёл…

Так складывалась фронтовая судьба поэта-газетчика, что ему довелось побывать в Ясной Поляне, Спасском-Лутовинове, увидеть другие памятные литературные и исторические места средней полосы России в «годы роковые». Он писал в мае 1943 года:

Калинов луг, Козлова просека,
Яснополянские угодья,
Вы больше, чем обитель классика,
Вы обитаете в народе.

Хелемский рассказывал читателю о родных местах Льва Толстого – не только великого писателя и мыслителя, но и ветерана обороны Севастополя, героического артиллериста:

И дом его, огню не отданный,
Ещё пожаром смутно пахнет.
Но в тесной комнате, под сводами,
Простор Истории распахнут.

Объемлет горизонты бедствия
Взор мудреца и канонира.
Печаль с надеждою соседствует
На рубеже войны и мира.

В начале апреля 1943 года в газете «На разгром врага» был опубликован очерк Хелемского «В мёртвой деревне» о сожжённом фашистами орловском селе Трудки. Вот отрывок из очерка – свидетельство поэта и журналиста: «У одной из развалин толпились сапёры. Они расчищали вход в погреб. Он был забит досками, заложен огромными камнями и засыпан землёй. Сейчас доски, камни, комки ссохшейся глины лежали на влажной земле, и чёрное отверстие погреба жутко зияло на ослепительном свету. Оттуда несло затхлой сыростью и сладковатым запахом разложения. Наружу торчал валенок, и, когда мы заглянули в погреб, оказалось, что это нога первого из замурованных. Боец в ватной куртке и в таких же штанах лежал навзничь на сту-

пеньках, головой вниз. Мы спустились вниз и увидели на соседней ступеньке ещё одного бойца.

Карманный фонарик скользнул по мрачным стенам и выхватил из тьмы еще несколько тел. Здесь были трупы красноармейцев. Сидел, прислоняясь к стене, штатский человек в шубенке. И в самом углу женщина с грудным ребенком на руках. Видно, она умерла, обессиленная, и только крепче прижимала к себе в агонии уже мертвого младенца…

Мы долго смотрели на голубое ситцевое платье русской матери, на почерневшее одеяльце, в котором был завернут скелетик ребенка, на безмолвные тела красноармейцев. Каждый из нас думал о том, что мы еще мало знаем немцев, и на что они способны. Каждый из нас вышел из страшного погреба повзрослевшим на десять лет».

Страшным контрастом в убитой деревне стал для поэта единственный сохранившийся дом – дом коменданта,

совершенно новый, для строительства которого немцы разрушили церковь:

«Да, в этой развороченной, обугленной русской деревне сохранился один дом. Его выстроили немцы, и он стоит, пресловутый памятник «нового порядка». Нарядный, сложенный из крупного камня, с плетёной террасой, с ручкой у входа, чтобы не поскользнуться на ступеньках, с массивной дубовой дверью и флюгером на плоской крыше – стоял он среди пепла и скорби.

Я вошёл в домик. Большая светлая комната. Два камина из красного кирпича с черными резными дверцами… Потолок и стены облицованы ровными квадратиками из березовых палочек. Белая нежная кора русской берёзы, тончайшая мозаика, выложенная с дьявольской аккуратностью.

Здесь была приемная коменданта. А вот и его спальня. Стены обшиты шелковой материей. Потолок – из лакированного дерева. Еще один камин. Ковры на полу.

Маленькие окошки. Сквозь них смотрел комендант на спалённые избы. Камины, ковры, шелковые стены – это для него, для немца. Пепелище и смрадные подвалы – это для русских. Это и есть освоение завоеванных областей. Это и есть немецкий порядок на Орловской земле».

Хелемский вспомнил ту страшную картину два десятилетия спустя, когда писал «Балладу Кильского канала»:

В обугленной орловской деревушке
Он высился надменно средь золы,
И мусора и круглых головешек.
Там в сорок первом и сорок втором
Его построил комендант немецкий,
Да так, чтоб все до мелкой безделушки
Ему напоминало фатерланд…
… А в сорок третьем комендант бежал,
Спалив дотла все избы деревушки,
Взорвать свою постройку не успев…

Орловские адреса были во множестве стихов Хелемского. Вот строки 1942 года из Русского Брода:

Под небом обнажённым, звёздным
У бруствера дышали мы
Скорее ласковым, чем грозным,
Морозным воздухом зимы.
И от студеной этой ласки,
Тревожной ночи вопреки,
Нам вспоминались то салазки,
То елки в бусах, то коньки.
Случилось так само собою,
Что здесь, на огневой черте,
Мы приобщались перед боем
К бессменной этой красоте.
И, сохраненный в хвойных лапах,
Что инеем опушены,
К нам долетел смолистый запах,
Забытый запах тишины.
А через час – атака наша,
И ждет команды миномет…
Но красота сродни бесстрашью.
Кто был на фронте, тот поймет.

А вот стихотворение «В дзоте» с пометкой «Спасское-Лутовиново, апрель 1943 года»:

Сегодня в ночь построен дзот.
И врыт, и пригнан сруб к земле.
У амбразуры пулемет
Стоит на струганом столе…

Простая, казалось бы, военная сценка – «новоселье» в новой огневой точке – обретает под пером поэта высокий символический смысл, заставляет читателя задуматься о том, в чём же выражаются доблесть и мужество бойца:

Бывают подвиги, как взлёт
Мгновенно пробужденных сил.
Но подвиг совершил и тот,
Кто тяжесть фронтовых невзгод
День ото дня переносил.
Ты зной изведал и пургу,
Но выстоял, товарищ мой,
Понадобилось – на снегу

Лежал неделями зимой.
Ты обживёшь и тесный дзот,
Сегодня вырытый в земле.
Готовый к бою пулемёт
Стоит на струганом столе.

Хелемскому довелось одному из первых среди журналистов войти в освобождённый Орёл. Вот каким предстал перед ним город 5 августа 1943 года:

«Первое, что мне случилось увидеть, был вокзал, словно я прибыл поездом. Но вагоны, которые могли бы доставить пассажиров, были разбросаны по всей территории большого железнодорожного узла, как спичечные коробки. Одни лежали на боку, другие вверх колёсами, третьи, соскочив с рельсов, протаранили ближайшую ограду или врезались в стену депо. Рельсы широко расходящихся станционных путей вздыбились, иные, скрученные взрывами, пошли спиралью.

В районе вокзала обдавало жаром, словно ты попал в горячий цех, когда

только что завершена плавка и раскаленный металл хлынул из печи. Но то, что я увидел здесь, было лишь скорбным предисловием к эпопее орловских развалин.

Сгоревшие дома и обрушенные взрывчаткой стены обступали нас.

Машины, повозки, орудия осторожно шли по узкой тропе среди кирпичных осыпей, обугленных досок, искорёженного железа, сломанных фонарных столбов, покосившихся афишных тумб, опрокинутых киосков.

Громоздились развороченные баррикады, зияли искорёженные гранатами амбразуры, попадались на углах продырявленные бронеколпаки, перевёрнутые танкетки.

Массивное полуразбитое здание на Московской было увенчано красным флагом. Он ясно выделялся на фоне пыльного неба. Порой трепетное полотнище на мгновение затмевалось – с ближнего пожара наплывала пелена дыма. Но сквозь неё снова про-

ступал расправленный ветром кумачовый прямоугольник…»

В этим минуты сложилось победное «Час настал» об Орле. Его нередко ныне печатают, но мало кто задумывается, что это стихотворение из 28 строк писалось почти… полтора года. Да, началом ему послужили строфы из уже упомянутого здесь «Орлу», которое было напечатано во фронтовой газете ещё в апреле 1942 года. Теперь же сложились заключительные строки:

Вот солнце поднимается с востока
И отступают битые враги.
И, словно гул весеннего потока,
Звучат твоих спасителей шаги.
У стен твоих раскат сраженья грянул,
Свободы вихрь по улицам прошёл.
Навстречу нам выходят партизаны –
Твои питомцы гордые, Орёл.
Ни пепелища горькие, ни раны
Не исказили светлый облик твой.
И в ясном небе реет стяг багряный

Над русской, над орловскою землёй.
Тебя в темницу немцы затворили,
И враг тебя колючками оплёл.
Но час настал!
Ты вновь расправил крылья,
Советский город – боевой Орёл.

Эти строки вечером 5 августа 1943 года Хелемский диктовал телеграфистке на узле связи, передавая их из Орла в редакцию. И удивительным образом всё совпало: «Кто-то крикнул, что сейчас будет передано важное сообщение. И тут же во всю силу заработал репродуктор, включенный по соседству. Диктор Левитан уже чеканил слова, подчёркивая ликующую весомость каждой фразы. И то, что он сейчас произносил, сразу же, как магнит, притягивало любого – солдата из дивизии, которая только что стала называться «Орловской», и горожанина, сегодня спасённого этим солдатом.

Счастливые волны этого притяжения распространялись всё шире, охваты-

вая весь Орёл с его руинами и оживающими перекрёстками, с его рухнувшими мостами и наведёнными переправами, с его холмами и овражками».

После Орла в военной судьбе Хелемского было ещё немало фронтовых дорог. Это ему принадлежит стихотворение «Слава брянцев»:

Товарищи, воины, братья по бою,
Нас брянцами гордо зовут,
Сегодня Москва рукоплещет героям:
Гремит орудийный салют.
Леса золотятся осенним убранством
В счастливые дни сентября.
И солнце встает
над ликующим Брянском,
Над Бежицей рдеет заря.
Мы бьёмся, отважны,
сильны, непреклонны,
За честь и свободу свою.
Мы Брянского фронта родные знамена
Прославили в этом бою.

Как раз в те дни состоялась памятная встреча Хелемского с Павлом Антокольским, Павел Григорьевич, как добрый и заботливый учитель, собрал и издал стихи молодого поэта отдельным сборником (пусть небольшим по объёму) «По Орловской земле». Выход в свет этой книги оказался для Хелемского абсолютной неожиданностью. Да и в Союз писателей СССР его приняли в 1945 году без заявления и анкеты, без рекомендаций, по инициативе самого правления Союза. Об этом Хелемского известил письмом председатель правления Союза писателей СССР Николай Тихонов.

За свою долгую творческую жизнь (умер в сентябре 2003 года) Яков Хелемский издал около двадцати поэтических сборников. Авторами предисловий были Евгений Долматовский, Константин Ваншенкин, Михаил Луконин. С похвалой отзывался о военной поэзии Хелемского Илья Сельвинский. Стихи бывшего поэта Брянского фронта, негромкие,

но полные доброты и мудрости, лишённые внешних эффектов, были написаны мастерски. Именно поэтому Хелемский ценился и как переводчик. Именно он переводил Расула Гамзатова – их лирика, если вчитаться, была очень созвучна.

Встретившись ещё на Брянском фронте с белорусскими поэтами Петрусем Бровкой, Максимом Танком, Аркадием Кулешовым, Пименом Панченко, Хелемский сроднился с их творчеством настолько, что свою переводческую работу посвятил, в значительно мере, белорусской поэзии (хотя переводил и авторов с Украины, из Польши). Был отмечен званиями Заслуженного деятеля культуры Белорусской ССР (1968), лауреата Государственной премии имени Якуба Коласа (1980). Награждён орденами Красной Звезды, двумя орденами Отечественной войны II степени, Дружбы народов, «Знак Почёта», медалями.

Хелемский – автор многих популярных песен, среди них: «Это вам, ро-

мантики», «Под нашими спортивными знамёнами»… Сотрудничал с композиторами Матвеем Блантером, Вано Мурадели, Борисом Мокроусовым, Эдуардом Колмановским, Яном Френкелем, Оскаром Фельцманом. Примечательна история создания песни «Когда поёт далёкий друг», посвященной французскому актёру и певцу Иву Монтану. Её написал Хелемский и Мокроусов в 1956 году (год гастролей Ива Монтана в СССР) по просьбе Марка Бернеса (именно он исполнял большинство песен Хелемского). Песня была очень популярна в 1950-е годы в СССР, пел её и Ив Монтан в переводе на французский.

При всей творческой многозаботливости Хелемский находил время, чтобы побывать в местах былых боёв. Стихам о военной Орловщине нашлось место в его сборниках «В пути», «Неприкосновенный запас», «Листва».Не раз приезжал в Орёл, в частности, был здесь летом 1968 году на межобластном совещании

молодых писателей. Прошёл по городу, по его литературным достопримечательностям, узнавая и не узнавая их, вспоминая события 25-летней давности. Уже тогда он работал над задуманной ещё на Брянском фронте документальной прозаической книгой, где соседствовали бы военные впечатления и картины мирного времени, возрождённых литературных усадеб, музеев. Книга, сложившаяся как рассказ поэта и воина для юных читателей, получила название «На тёмной ели звонкая свирель». Она, как ни удивительно, может быть, впервые открывала подросткам неизвестные трагические страницы истории их родных мест, показывала, из каких руин и пожарищ пришлось поднимать родные сёла и города, сколько сил было потрачено на спасение национальных исторических ценностей.

Написанная от первого лица, книга-путешествие была не только перенасыщена достоверными фактами и наблюдениями, в ней читатель нахо-

дил множество редких фотографий и рисунков, повествований о судьбах и удивительных встречах. Первое издание 100-тысячным тиражом вышло в Москве в 1971 году (издательство «Детская литература»), второе – два года спустя таким же тиражом, ещё через десять лет – третье, тиражом 75 тысяч экземпляров

Картины Овстуга и Красного Рога, впечатления от встреч с родными местами Фёдора Тютчева и Алексея Константиновича Толстого завершают эту книгу. «Я шёл вместе с армией, и нам всё время сопутствовали дорогие имена, знакомые с детства. Они звучали среди руин, у разбомбленных переправ, на дорогах наступления». – делился автор с юными читателями. Он учил их видеть в этом мире истинную красоту и беречь её.

«ЗДЕСЬ ПОГИБ МОЙ СЫН ЛЮБИМЫЙ…»

[Павел Антокольский]

Павел Григорьевич Антокольский (1896–1978) вошёл в литературу, образно говоря, с театральных подмостков.На знаменитую трибуну Политехнического музея в Москве он, оборванец и полунищий, поднялся в 1920 году в «паршивых обмотках». Его привёл в самую известную в стране поэтическую аудиторию Валерий Брюсов. Позднее Антокольский скажет: «Октябрьская революция усыновила нас, детей войны». Он называл поэзию 1920-х годов поэзией «преодоления больших расстояний во времени и пространстве». А ещё были мучительные творческие поиски самим Антокольским народности, классического стиля…

Несмотря на известность, до войны он имел репутацию «поэта книжного». 1941 год призвал его, образно говоря,

в солдатский строй. Работал истово: писал стихи, выступал перед красноармейцами, руководил творческим семинаром в Литинституте, был заместителем председателя комиссии Союза писателей СССР по литературе для юношества.

В статье с символическим названием «Москва» (Известия, 1941, 5 июля) однозначно утверждал: «Исторические воспоминания глубокими чертами вгравированы в сознание каждого, чей родной язык – русский язык. Этому учит каждая пядь нашей земли, полная народной славы». В статье «Сим победиши», перечисляя периоды формирования культуры России, провёл мысль о бессмертии народа, чья история вместила «память и надежду, любовь к родной земле и самосознание отдельного человека». Отсылая современного читателя к временам Древнего Рима, высказывал убеждённость в неизбежной победе.

Сообщал в письме другу в ноябре 1941 года: «Что сказать о себе? Продол-

жаю дико работать, пишу всюду и всё, что от меня требуют». Те холодные месяцы в Москве казались ему похожими на зимовку на полярной станции. Стужа, голод, узкий круг единомышленников – зато всех объединяет дружба, нет розни, склок, зависти и подлости…

А ещё Антокольский руководил театром (часто выезжали на фронт, в частности, в район Тулы). Там он, по собственному признанию(апрель 1942 года), видел много замечательных людей, особенно лётчиков.

6 июля 1942 года недалеко от Орла погиб его сын Владимир – 19-летний младший лейтенант, прибывший на фронт меньше месяца назад. Смерть сына настолько потрясла поэта, что он продолжал писать ему письма, мысленно разговаривать. Так родилась поэма «Сын», которая стала известна практически всем в Советском Союзе. Её строки были понятны и тем, кто потерял своих близких, и тем, кто всё ещё надеялся на чудо.

Не опоздай. Сядь рядом с ним на парте,
Пока погоня дверь не сорвала.
По крайней мере затемни на карте
В районе Жиздры, западней Орла,
Ту крохотную точку, на которой
Ему навеки постлана постель.

А вот два символических письма отца сыну, которые адресат уже никогда не получил и не прочёл:

«6 июля 1944 года. Любимый мой друг! Два года тому назад был такой же светлый день на берегу речки Рессета. И это был последний день твоей жизни. В тот день вы закончили двухсоткилометровый марш. Во время марша на отдых полагалось по 4 часа в сутки. Спали на голой земле. Ели на ходу. Форсировали реку. Тебе было указано остаться где-то в резерве, в тылу. Ты не захотел отстать от товарищей и оказался рядом с ними на переднем крае. Немцы вели шквальный, стелющийся по земле огонь. Ты был в траншее, корректировал огонь

своего орудия. Один из бойцов был ранен. Ты кинулся к нему. Тотчас же разрывная пуля пробила твою верхнюю губу и разорвалась во рту. Ещё горячий, с гибкими живыми мускулами, ещё не потеряв живого смуглого румянца, ты был мёртв. Ты ничего не увидел в жизни, кроме счастливого пёстрого детства и несчастной, трудной, подло оборванной юности, которая сразу навалилась на тебя – войной, мобилизацией, дальними расстояниями, тоской, одиночеством, лихорадочно быстрым возмужанием. Но жизнь твоя продолжается. Через поэму тебя узнали и полюбили десятки тысяч людей: отцов, матерей, сыновей и девушек. Ты будешь рядом со мною до последнего смертного часа. Всё, что я делаю, и всё, что сделаю ещё, посвящено тебе. Друг мой, солнышко моё, дорогой мой голубчик Вова, не покидай меня».

«13 июля 1944 года. Нет исхода чёрной тоске – как будто ты жив и стучишься ко мне горячими, сильными руками,

и не могу я, никак не могу отворить тебе двери. И всю жизнь, все эти годы ты жадно хочешь вернуться и досказать, дожить, долюбить, дорасти всё, что тебе положено, и нет этому конца, нет исхода, и пройдёт ещё десять или сто лет, всё останется, как было: ты, молодой, полный сил и надежд, полный права на жизнь, любовь и счастье, обнявший в последнюю минуту воронёный автомат, на дне траншеи, уткнувший голову в колени. Ничего не кончилось – ни жизнь, ни смерть, ни любовь, ни обида, ни горе. Тебе – нет конца».

Потеряв сына, он стал говорить: «Война – школа страдания». Поэма «Сын» звучала как воплощение скорби, страшный счёт германскому фашизму. Это было сочувственное и мужественное рукопожатие поэта миллионам людей, потерявших близких на войне.Старая любовь читателей к Антокольскому в одночасье наполнилась новыми смыслами. Очень высоко ценила «Сына» Ольга

Берггольц. Поэма выдвигалась на Сталинскую премию ещё в 1943 году, но получила эту награду только в 1946 году.

Поэт неудержимо стремился попасть на место гибели сына. И такая возможность появилась. Корреспондент газеты 3-й армии «Боевое знамя» Семён Трегуб (литературовед, в довоенные годы один из ведущих журналистов «Правды») вспоминал: «Мысль о том, чтобы создать книгу, посвящённую освобождению Орла, возникла у нас в армии вскоре после того, как 5 августа 1943 года Москва салютовала в знак одержанной победы двенадцатью артиллерийскими залпами из ста двадцати орудий. Трём дивизиям присвоили тогда почётное звание «Орловских», две из них входили в состав 3-й армии».

28 августа 1943 года писательская бригада (Павел Антокольский, Борис Пастернак, Александр Серафимович, Константин Федин, Всеволод Иванов, вдова Николая Островского – Раиса) вы-

ехала из Москвы. 7 сентября Антокольский записал в дневнике: «Армия в движении, в марше… мы в течение недели были свидетелями переходов по 30–40 километров в день вдоль фронта. На этом лучше всего можно если не узнать, то почувствовать сложное и могучее хозяйство войны».

В эти дни родилось стихотворение Антокольского «Армия шла»:

Армия шла по орловской земле,
Мимо развалин, заросших бурьяном,
Рвов перекопанных, кладбищ в золе,
Танков, потерянных Гудерианом.
Красная Армия, цвет и краса
Нашего мужественного народа,
Шла по проселкам, входила в леса.
Ей откликалась лесная природа
Шелестом листьев и пеньем пичуг.
Мир просыпался.
В предутреннем блеске
Дымно синели сквозь щели лачуг
Речки, овраги, поля, перелески.

Финал стихотворения был полон пафоса, но это не был кабинетный пафос, это был победный клич солдата-освободителя. Недаром Долматовский сказал тогда во всеуслышание: «Считавшийся книжным поэтом Антокольский стал поэтом с чертами трибуна, которые подняли его и возвысили».

В мужестве спаяна,
в правде пристрастна,
Армия шла и брала города,
Русскую землю, родное пространство.
Может быть, там ни печей, ни окон –
Только огонь по домам онемелым
Да одичалый германский закон
Блещет со стен, нацарапанный мелом.
Может быть, взгляд подлеца как свинец
За амбразурами тускло намечен…
Может быть! Но наступает конец.
Город не будет врагом онемечен.
Город и область воротятся к нам.
Так, оборону врага прорывая,
Жизнь возвращая людским племенам,

Армия шла – как весна мировая.
Да, как весна! Ибо был он таков,
Русский сентябрь сорок третьего года.
Благословенны на веки веков
Солнце его и его непогода.

Таким же «русским», «орловским» оказалось и другое стихотворение Антокольского – «Памяти Тургенева» (кстати, оно было напечатано в «Орловском альманахе» в первые послевоенные годы). Это одна из баллад, которые так удавались поэту. История, мифология, почти сказка… Но какая суровая и мудрая сказка!

Здесь, у Красивой Мечи, или в Спасском,
Или уйдя на Бежин луг чуть свет,
Влюбился в песню, спетую подпаском,
Орловский барин, умница поэт.
Был он высок, осанист и спокоен,
Любил бродить с двустволкой по лесам.

Есть у стихотворения, помимо Тургенева, и два других героя: один – отважный

партизан, чем-то похожий на Тургенева – его земляк и тёзка, охотник, богатырь; и полная противоположность первых двух – враг, захватчик «герроберст» (т.е. старший офицер вермахта). Между боями, в занятой орловской деревне, чтобы печь не погасла, незваный пришелец, не задумываясь, бросает книги в огонь:

Он понимал, что никуда не выйдет
Из этой жаркой маленькой избы,
Что вьюга насмерть немцев ненавидит,
Что верстовые жуткие столбы
Не считаны.
И нет уже спасенья
Ни у печи, ни в поле, ни в лесу…
Рванув кольцо, шагнул с размаху в сени
Тот великан с двустволкой на весу.
Был он, как встарь, осанист и спокоен,
Никем не остановлен и не зван.
Нам лучше не расспрашивать, какой он –
Товарищ Т., по имени Иван.
Он усмехнулся в бороду, усталых
Глаз не сводя с морозного стекла.

А там, в слоистых ледяных кристаллах,
Ракета красной каплею текла
И расплывалась. Но едва погасла –
В остывшей печке красный уголёк
Страницы книги тронул будто назло,
И красный блеск на великана лёг.
Завыла вьюга, бешено запенив
Косматый снег. Услышав: «Руки вверх!»,
Герр оберст вздрогнул:
«Кто это? Тургенев?»
…И партизан его не опроверг.

Полно лирики и дружеской солидарности с бойцами стихотворение, казалось бы, с совсем не подходящим для той поры названием «Леди Гамильтон»:

Это было в полуночном Брянском лесу.
Рассказал нам экран про чужую красу,
Про заморскую женщину
с ясным лицом,
Со счастливою жизнью
и горьким концом.

Поэт сам был удивлён этому непридуманному парадоксу:

В старом Брянском лесу,
у могучих дубов,
Услыхали бойцы про чужую любовь.
И запели бойцы о своей дорогой,
Как прощались-клялись
под крещенской пургой.
И один и другой, самокруткой дымя,
Вспоминали, что ждет
не дождется семья.
Что вся милая жизнь
продолжается в ней…
И хотелось им петь и нежней и грустней…

Пусть оторван от милой на тысячу лет,
Пусть устал и небрит,
раньше времени сед,
Пусть огнем опалён,
до костей пропылён…
Защищающий родину –
трижды влюблён.

В поездке августа – сентября 1943 года Антокольский познакомился с поэтом Яковом Хелемским, служившим в редакции газеты Брянского фронта «На разгром врага». По-отечески поддержал его, без лишних церемоний просто собрал стихи молодого коллеги в небольшую книжку, которая была издана вскоре в Москве. Также в Москве вышел солидный сборник, ставший итогом поездки писательской бригады в освобождённые районы Орловской области. На этот успех обратили тогда внимание многие. Руководитель Союза писателей СССР Николай Тихоновв феврале 1944 года на одном из писательских пленумов так отозвался об Антокольском и его товарищах: «Хорошо поработали в частях». Имелись в виду, конечно, воинские части, тогда это было понятно без лишних дополнений.

Антокольский редактировал и рецензировал рукописи для издательства «Советский писатель» (в том числе ру-

кописи Андрея Платонова), участвовал в конкурсе авторов текста гимна СССР. Старомодный «классицизм» Антокольского оказался необыкновенно востребован в годы войны. А сам он не раз возвращался к ставшей сердечно близкой Орловщине: в поэме «Ярославна», в стихотворениях «Жар-птица», «Сказка о матери», «В районе Жиздры»:

Война везде. Война во всём.
Мешок её заплечный
Мы и сквозь космос понесем,
На Путь прорвавшись Млечный.
Пусть бегут столетья мимо,
Годы медленно скользят.
ЗДЕСЬ ПОГИБ МОЙ СЫН
ЛЮБИМЫЙ
СОТНИ ЛЕТ ТОМУ НАЗАД.

Даже победный май 1945 года не стал для Антокольского временем «демобилизации» из солдатского строя. Он призывал читателей заглянуть за

исторический горизонт, задуматься о судьбах мира, только что спасённого от коричневой чумы фашизма. И радостью, и думой о будущем овеяно стихотворение с абсолютно точной датировкой «Двадцать третье апреля 1945 года»:

Это значит, парня из Орла
Встретил паренёк из Сан-Франциско:
«Значит, мы живем друг к другу близко.
Значит, верно, что Земля кругла»…

Выступая на писательском пленуме в конце мая 1945 года Антокольский с убеждённостью бойца и творца говорил: «Отечественная война продолжается как внутреннее обязательство художников перед тем, что пережил народ… Мы обязаны принести на Запад тот свет, ради которого мы до сих пор жили, страдали, боролись и собираемся дальше страдать, бороться и жить… многое в умах Европы неблагополучно… с этими равнодушными нам предстоит серьёзный разговор».

Удивительно, но и спустя восемь десятилетий эти мысли Антокольского звучат очень верно и своевременно.

В послевоенные годы он иногда вспоминал об Орловщине, которую увидел в самые трагические её дни. Именно Орловщину, потому что, например, если прочесть множество стихов Антокольского, то встретишь Воронеж лишь раз, а Курск или Ростов – ни разу. Вот и в поэме «В переулке за Арбатом» герои в дальнем пути на какое-то время выходили на перрон именно орловского вокзала:

Но тут в окне огни, киоски –
Большой вокзал, перрон, Орёл.
Они прошли платформу молча,
Как дети, за руки держась.
Прошли, как два луча, сквозь толщу
Чужих, нелюбопытных глаз.

Там, где-то западнее Орла, на месте гибели сына, навсегда осталась частица души большого и мудрого поэта.

«НО ТАК, ЧТОБЫ ДУША БЫЛА ВИДНА…»

[Леонид Мирошин]

Леонид Андреевич Мирошин родился 28 декабря 1918 года в селе Чичково Орловской губернии (теперь это Брянская область). Его мать, в девичестве Ольга Горелова, родом из карачевского села Верхополье, умерла сразу после рождения сына.

Вот как вспоминал будущий поэт об отце:

Солдат трёх войн,
В своём крестьянском сердце
Для всех нашёл укромный уголок,
Где мог чужой, как родич,
отогреться
И сил набраться, если изнемог…

В Чичково Леонид окончил семилетку, работал в колхозе: пас овец, пахал,

косил. Потом его направили ликвидировать безграмотность в посёлок Алтухово на мебельный комбинат (в это же время сам учился в средней школе). Трудно было с деньгами, чтобы заработать на жизнь, писал лозунги в райпотребсоюзе, по заказу профсоюзов рисовал портреты Ленина и Сталина.

С самого раннего детства природа родного края, сельский труд закладывали в душе деревенского паренька первые поэтические чувства. И сам Леонид Мирошин скажет потом, что «лучшие строки стихов прорастали здесь». Одно из первых стихотворений опубликовал в навлинской районной газете «Колхозная стройка» в 1938 году, в год окончания средней школы.

Старший брат Леонида Михаил Андреевич Мирошин в то время работал председателем Навлинского райисполкома. С его лёгкой руки молодого грамотея утвердили в Орле, в управлении по охране государственных тайн в печа-

ти… цензором той самой районной газеты. Но дальнейшего продолжения эта карьера не имела – Леонида в сентябре 1939 года призвали в армию. Вскоре он стал курсантом только что открывшегося Орловского военно-политического училища (располагалось в Брянске).

Уставы, стрельбы, физкультура,
Наряды, тактика. И вдруг
Я, так сказать, «номенклатура»
ГлавПУРа – младший политрук.

В декабре 1941-го молодой выпускник училища стал политруком взвода полковой разведки, а затем политруком роты противотанковых ружей. В июне 1942 года был тяжело ранен в боях на ливенском направлении. С перебитой ногой пробирался к своим – то ползком на локтях, то с помощью сердобольных крестьянок. Попал в госпиталь в городке Землянске неподалёку от Воронежа. Много лет спустя он напишет:

Землянск. Районная больница.
Бомбёжка. И в который раз
Возможность мёртвым очутиться
Мне представляется сейчас.
Лежу в больничном коридоре
Беспомощный, жду свой чрёд.
Во все глаза гляжу на горе,
Что множит авианалёт.
Разрыв – и окна вылетают,
Второй – и рушится стена.
Но в хирургической «латают»
Танкиста, что всю ночь стонал.
И снова вой и взрыв, и – в небыль
И тот танкист, и те врачи…
А надо мной сияет небо,
И в небе мечутся грачи.

А тогда было не до ностальгической лирики. Бодрые, зовущие в бой стихи политрука Леонида Мирошина постоянно печатались на страницах военных газет Брянского фронта. Автор порой и сам не знал, появились ли на полосе его строки, посланные редакции в письме-

треугольнике. Так стихотворение «Родные Брянские леса» было опубликовано в армейской газете 3 июля 1942 года, когда он лежал в госпитале. Родные Брянские леса… Там его брат Михаил в то время был командиром партизанского отряда, комиссаром, с ноября 1942 года – заместителем командира объединённого штаба партизанских бригад и отрядов.

Будучи инвалидом, Леонид Мирошин остался в армии: политрук учебной роты, комсорг полка, секретарь дивизионной газеты. Молодой лейтенант не понаслышке знал о войне: бои, смерть боевых друзей, ранения, оккупация родной земли, – всё находило отклик в сердце поэта.

В ответ на фашистский разбой и грабёж
Силу, энергию, зоркость умножь.
Тот, кому наша страна дорога,
Не устрашится пойти на врага.
В этой, труднейшей для нас обстановке
Больше любви к самолёту, к винтовке,

Больше умения, больше сноровки,
И не страшны будут вражьи уловки.

А это стихи о разведчиках (апрель 1942 года):

Пускай, дороги заметая,
Бушует снежная пурга,
Вперед, разведка боевая,
Иди бесстрашно в тыл врага!
Врагу не скрыть от нас орудий,
Не скрыть позиций огневых, –
Любые сведенья добудем,
Достанем «языков» у них.
Вперед разведчики лихие,
Ведь нами Родина горда,
Нас ждут Орёл и Брянск и Киев
Родные наши города.
И пусть, дороги заметая,
Бушует снежная пурга,
Вперед, разведка боевая,
Громи заклятого врага!

Эти строки посвящены лётчику, не вернувшемуся с задания:

Был он штурманом, родом из Курска,
Песни пел, безобидно шутил.
В темноте, не сбиваясь с курса,
Прямо к цели звено приводил.
И в тот раз, по-мужски, как обычно,
Попрощались мы скупо: «Пока!..»
Поднимались машины привычно
В убегающие облака.
А потом возвращались и снова
Проходили прощальный круг…
И никто не сказал мне слова,
Что в тот день не вернулся друг.
По молчанью, по лицам строгим
Понял я, что печаль их гнетёт…
Он погиб, но не сбился с дороги,
Что к победе и счастью ведёт.

Его стихи охотно печатали военные газеты, от них веяло окопным опытом, им верили, их любили читать солдаты. Иные были положены на музыку. Прон-

зительна картина первого свидания солдата с освобождённой родной землёй («Сентябрь сорок третьего года»):

Ещё дымились пепелища,
Носился горький запах тленья,
И волки в поисках за пищей
Бродили смело вдоль селенья.
И лисы в зарослях шныряли,
Ночами тявкая от скуки,
Сады навстречу простирали
Свинцом обрубленные руки.
Дороги, порванные боем.
Крапивой жгучей зарастали,
А в воздухе с такой мольбою
Кружились птиц голодных стаи.

После демобилизации в 1947 году Мирошин стал журналистом, работал редактором газеты «Брянский комсомолец», корреспондентом «Брянского рабочего», на радио и телевидении. Одно время планировал перебраться на жительство в Орёл, стать сотрудником

«Орловской правды», но замыслы эти не осуществились.

Как и в годы войны, продолжал писать стихи. Стоял у истоков литературного объединения в Брянске… Автор полутора десятка стихотворных книг: «По первопутку» (1952), «Вечер в песнях» (1956), «Пережитые были» (1957), «Вчера и сегодня» (1959), «Суровое и нежное» (1961), «Беспокойство» (1969), «Когда сынам своим пишу» (1978)… В 1979 году был принят Союз писателей СССР. Лауреат Всероссийской премии имени Ф. И. Тютчева «Русский путь».

Не раз в послевоенные годы Мирошин бывал в Орле… Прощаясь с друзьями после встречи 5 августа 1975 года, оставил такие дарственные строки на книге «Беспокойство»:

«Дорогим орловцам
от участника боёв за Елец и Ливны.
Друзья мои,
Созрела горечь в горле,

Пока решался вам сказать:
– Пока! –
Запали в душу
И Орёл, и Орлик,
И добрая подвижница Ока».

Леонид Андреевич был ярок не только в поэзии и журналистике. Его влекли живопись, резьба по дереву (любил вырезать из дерева портреты вполне реальных людей). На малой родине в 1990 году открыл небольшой музей «Моё село, мои односельчане». Первыми экспонатами здесь были его сборники стихов, картины природы родных мест, портреты земляков, работы друзей-художников.

Особой творческой удачей Мирошин считал картину «Липа Карпова в октябре 1941 года» (Липа – одноклассница автора в Алтуховской школе). А искусствоведами была отмечена его картина «Улица моего детства», на которой изображена одна из улиц довоенного Чич-

ково. В центре – две избы, соединённые сенями, в одной из них и родился будущий поэт и художник.

Под стать отцу были и сыновья, в чём-то повторившие его жизненный путь. Леонид Леонидович (1946–2013) окончил военное училище и академию, был командиром ракетного полка. Награждён шестью медалями. После уничтожения ракет по договору с США, полк расформировали, и он ушёл в отставку.

Олег Леонидович (1949–2014) окончил художественно-графический факультет Московского пединститута. Член Союза художников СССР с 1994 года. В 1999 году принял участие в воссоздании живописного убранства Храма Христа Спасителя. Его произведения экспонировались на всесоюзных выставках, находятся в музеях и частных собраниях России, СНГ, Франции, Германии, Италии, Испании. Был удостоен звания «Заслуженный художник России».

В 1998 году, в год 80-летия Леонида Андреевича, вышел его сборник «Тайны Подесенья»: лирика, публицистика, сатира, репродукции картин и фото деревянных скульптур, – все ипостаси творческой натуры автора нашли отражение на этих страницах.

Умер Леонид Мирошин 6 августа 2001 года, похоронен в Брянске.

Неожесточившимся взглядом на мир, житейской мудростью пронизаны его напутственные строки всем нам:

Для добрых дел душа тебе дана,
Не разменяй на жалкие гроши, –
Пиши и строй, рисуй, паши, пляши,
Но так, чтобы душа была видна.

«ТАК БРАТСТВО НАЧИНАЛОСЬ»

[Эдуардас Межелайтис]

Эдуардас Беньяминович Межелайтис родился 3 октября 1919 года в деревне Карейвишкяй Шавельского уезда Ковенской губернии (теперь это территория Литвы). Его отец был рабочим, мать учительницей, дед – столяром и плотником.

В 1923 году семья переехала в Каунас, здесь Эдуардас учился в гимназии, где литературу преподавала Саломея Нерис – поэтесса и коммунистка-подпольщица. Её политические взгляды сильно повлияли на сознание гимназиста. Уже в 15 лет Межелайтис состоял в подпольной комсомольской организации, чуть позже в печати появились его первые стихи.

Учился на юридическом факультете университета, был горячим сторонником вхождения Литвы в состав Советского

Союза. Когда это произошло, стал работать в редакции комсомольской газеты. С началом Великой Отечественной войны был в эвакуации, работал на заводе в Пензенской области. В 1942 году его призвали в армию. Как и в прежнее время, стал журналистом – в газете 16-й Литовской стрелковой дивизии «Родина зовёт».

Прежде чем, чем вступить в бой, дивизия какое-то время провела на тульской земле – сначала в районе Ясной Поляны, потом в самой Туле. Так сложилось, что в почти мирной обстановке бойцы много читали – и Толстого, и Константина Симонова, и Николая Островского. Почти все побывали в усадьбе-музее великого писателя; двери областной библиотеки были распахнуты для красноармейцев и командиров, издания выдавали на руки – особым спросом пользовались книги на военные темы, о полководцах… В дивизионной газете поместили стихотворение Саломеи Нерис «Жди меня» на мотив симоновского, но абсолютно ав-

торское, полное лирики. Межелайтис видел, как молодые солдаты переписывают эти стихи, заучивают наизусть. Велика сила талантливого слова!

В землянке или в шалаше
Плечом к плечу,
Душа к душе,–
Так братство начиналось.

В январе 1943 года 16-я Литовская дивизия маршем прибыла на орловскую землю. У всех решительное настроение: «Идём штурмовать Орёл!» Но впереди были ещё затяжные позиционные бои. И были не только маленькие победы, но и потери. В марте в дивизионной газете напечатали некролог, посвященный памяти молодых писателей:

«Пробитые вражескими пулями, в священной борьбе против фашизма перестали биться горячие, мужественные сердца наших молодых писателей И. Битайтиса, Б. Кирстукаса, Ш. Иохели-

са и М. Глухаса, сражавшихся с оружием в руках среди буранов и вьюг на заснеженной земле Родины.

Погибшие товарищи больше жизни любили свободу своей страны, они отдали свою молодую жизнь во имя свободы и мирной жизни Советской Литвы, во имя будущего расцвета её культуры.

Молодые товарищи погибли, так и не успев полностью раскрыть свои таланты. Их творческая деятельность была преждевременно прервана врагом. Но в памяти литовского народа навсегда сохранятся их имена. Возмездие врагу и борьба до полной победы – таково написанное кровью завещание павших!»

Некролог подписали литовские писатели и деятели культуры П. Цвирка, Л. Гира, Э. Межелайтис, С. Нерис, И. Шимкус, А. Вянцловас… А ведь и сам Межелайтис мог тогда оказаться не среди подписавших прощальные строки, а в списке погибших. Той утратой были навеяны строки:

Я погиб под Орлом в наступленье…
Прорастает ковыль сквозь меня.
Солнца ливень…
И птичье паренье
На экране лазурного дня.
Кукованья не слышу кукушек,
Я не слышу, как сосны растут.
Под землёю сырою мне душно,
Над землёю ромашки цветут!…
Я погиб в штыковой атаке.
Вмиг померкла глаз синева.
Небосвод – на меня!
Я – на злаки…
Рот забили земля и трава…
В небе – солнца сияющий слиток.
Стая жаворонков пронеслась.
Мы лежим под Орлом. Мы убиты.
Нет нас с вами. Но –
вспомните! – нас.

Писатели лейтенант Балис Кирстукас (1912–1943), сержант Шлема Иохелис (1920(1923)–1943), красноармеец Моисей Глухас (1909–1943) – все они

погибли в районе орловской деревни Алексеевка 22 февраля. Красноармеец Иозас Битайтис (1920–1943) умер там же от ран 25 февраля. Живым предстояло идти вперёд, продолжить дело павших – и на литературном поприще тоже.

Полковник Е. Я. Яцовскис в книге «Забвению не подлежит» (М., 1985) вспоминал: «В селе Никольское в редакцию газеты «Родина зовёт» зашёл поэт Эдуардас Межелайтис. Привёл его к нам офицер нашей дивизии, писатель Йонас Марцинкявичюс, с которым время от времени мы встречались в политотделе дивизии, в редакции «Родина зовёт», иногда в полках. На следующий день я встретил Межелайтиса на главной улице села. Он рассказал, что в одном уцелевшем доме, где несколько дней тому назад размещался штаб гитлеровцев, он обнаружил немало интересных документов изменников Родины – власовцев, и среди них различную литературу на литовском языке. Эдуардас предположил,

что здесь находился вооружённый отряд литовских буржуазных националистов – пособников гитлеровских оккупантов».

Межелайтис писал в автобиографии: «По велению судьбы довелось нам, литовцам, освободить у годуновских Кром маленькую русскую деревеньку. Звалась она Литвой. Со слезами на глазах сквозь огненный шквал ворвались мы в это дымившееся пожаром селение.

И вдруг я почувствовал себя в родном краю. Путь от деревушки Литвы до настоящей Литвы сократился вдвое. Расстояние – это не только география. Это также и уверенность!

В деревне Литва нашёл я целебный бальзам от тоски по родине».

Об этом – в его стихотворении «Если мимо пройдёшь»:

Есть в России степная равнина…
Об Орловщине память жива…
Деревушку в пуху тополином
Называют в народе – Литва…

Близко слышали грохот орудий
Палисадники, избы и пруд…
Здесь простые и скромные люди
Любят труд свой и мирно живут…

Мой товарищ! Зимой или летом,
Если мимо проляжет твой путь,
Не забудь – деревушку проведай,
Постарайся туда заглянуть.

Мы товарищей там потеряли.
Уцелевшие в буре войны, –
Там отважно боролись и пали
Нашей родины славной сыны…
(перевод А. Клёнова).

«Лето 1943 года под Орлом» – такими были «адрес» и датировка стихотворения «Поцелуй»:

Умирает солдат…
Погибает герой…
Рану горстью земли зажимает,
И глотает земля раскалённую кровь,

кровь багрит её и зажигает.
(А земле бы не крови испить, а воды.
А земля умоляет солдата:
Ты засей меня хлебом, взрасти мне сады,
и воздам я за это стократы!)
Перед тем, как солдату совсем погибать,
приподнялся солдат на мгновенье
и кровавую землю прижимает к губам,
и целует,
и просит прощенья…
Умирает солдат…
(перевод Б. Слуцкого).

В 1944 году, когда Литва была освобождена, Межелайтиса «перебрасывают» на мирный фронт – становится секретарём ЦК комсомола республики. Но о войне он уже никогда не забывал, говорил о ней просто: «Бомба в сердце мне попала».

В 1946 году его сняли с должности, жёстко прорабатывали за «безыдейность». Он возвратился на журналистскую работу, много сил и времени

отдавал поэзии. Выходят сборники его стихов. И в каждом – память о 1943 годе:

Помнишь, под Орлом,
при свете скудном,
В блиндаже, под грохот батарей,
Мы читали: «…помирать нетрудно,
Сделать жизнь
значительно трудней…»
(поэма «Секретарь»)

Откуда дружбу он принёс,
С каких полей Европы?
Об этом знают волжский плёс
И мценские окопы…

Он знамя века под Орлом
В бою держал высоко
И с ним вернулся в отчий дом,
Шагая издалёка.
(«Братская поэма»)

В 1954 году Межелайтиса избирают секретарём правления Союза писателей

Литвы, спустя пять лет становится председателем правления. Более трёх десятилетий был секретарём правления Союза писателей СССР.

Межелайтиса увлекали любовь к природе, к народной поэзии. Он много путешествовал по свету, не раз бывал и на Орловщине, в самом Орле. Сцена и стены клуба завода «Текмаш» помнят множество интересных гостей и встреч. Одна из них – с литовскими поэтами в середине мая 1960 года. Тогда в Орёл приехали Эдуардас Межелайтис, Антанас Венцлова, Юстинас Марцинкявичюс, Юдита Ванчюнайте, а также москвичи поэты Вероника Тушнова и Василий Захарченко, критик Владимир Огнев. Вместе с поэтом Дмитрием Блынским, журналистом и поэтом Петром Николаевым, редактором «Орловской правды» Иваном Патенковым они посетили места боёв 16-й Литовской стрелковой дивизии в Покровском и Свердловском районах, провели встречи со студентами

пединститута, молодыми строителями, писателями и журналистами. Были митинги в сёлах Алексеевка, Никольское. В заводском клубе «Текмаша» читали стихи, вспоминали о войне, отвечали на вопросы зрителей.

Межелайтис вскоре написал Патенкову: «Благодарю Вас за газеты и снимки, присланные мне. Хорошая встреча, оказанная нам в Орле, никогда не забудется. Наша дружба ещё более окрепла в эти дни. Просим не забывать и дальше глубоко признательных Вам литовских товарищей».

Тогда же родилась идея издать сборник писателей Вильнюса и Орла, посвящённый боям на Орловщине, а ещё обмениваться литературными страницами в литовских и орловских газетах…

Межелайтис был на пике славы, причём и в СССР, и в других странах его воспринимали не только как талантливого поэта, но и как политика, народного дипломата, который обращался к

людям всей Земли с ярким поэтическим словом, окрашенным тревогой за судьбу человечества.

В 1962 году за сборник стихов «Человек» Межелайтис был удостоен Ленинской премии. А в следующем году недалеко от братской могилы в Алексеевке был заложен Сад дружбы, 600 яблонь для которого (по числу погибших воинов, по данным того времени) привёз председатель литовского колхоза Витаутас Руткаускас, один из самых активных ветеранов 16-й дивизии. На братской могиле в Алексеевке был установлен привезённый из Литвы гранитный памятник.

Патенков был в Литве на праздновании 20-летия освобождения Вильнюса, встречался с Межелайтисом, тот передал привет орловским друзьям. Дмитрий Блынский писал ему: «Я часто вспоминаю нашу поездку по Орловщине и – в частности – наше посещение села Никольского. Это были полные, густые от впечатлений дни, и их забыть невоз-

можно». Блынский послал Межелайтису новую книгу, своё стихотворение «Литовцы на Орловщине» («Орловская правда» напечатал эти стихи 6 сентября 1964 года) и добавил: «Надеюсь написать о нашей дружбе – о дружбе русских и литовцев – ещё не одно стихотворение». Межелайтис откликнулся телеграммой: «Благодарю за интересную книгу, за стихи. Я рад, что наша дружба ещё окрепла. Желаю счастья и поэзии».

К несчастью, Иван Патенков и Дмитрий Блынский вскоре ушли из жизни. Межелайтис же все последующие годы не переставал работать над военной темой. Впечатления лета 1943-го нашли отражение в стихотворениях «Раненый голос», «Если мимо пройдёшь», в балладе «Звезда и роза». Боям литовской дивизии на Орловщине была посвящена и блокнотная поэма (так сам автор определил жанр) «Птицы ничейной полосы». Она оказалась одним из самых масштабных произведений Межелайти-

са – в сборнике «Клочок небес» (Вильнюс, 1981) заняла почти 80 страниц увеличенного формата, к тому же здесь она была напечатана в сокращённом варианте (перевод Леонида Миля).

Автор, указав, что работал над поэмой больше тридцати лет (1943–1976), обращался к читателю в предисловии: «Эта простая история, видимо, сродни многим, происходившим на той неширокой полосе земли, которая на языке войны назывался Ничейной Землей. Наименование безрадостное и предельно точное… Историю эту я когда-то записал в блокноте и принёс домой в солдатском вещмешке. И вот теперь я осторожно переворачиваю пожелтевшие, ломкие листки, где всё это торопливо, конспективно, слишком лаконично изложено, и пытаюсь припомнить, как это было, пытаюсь представить, как это могло быть».

Мы шли ещё горящей
русского деревнею.

Она звалась так неожиданно –
Литвой, –
Как будто бы для нас.
И в этот день, наверное,
Мы все задумались об отнятой, о той…
Мы шли через Литву. Её почти и не было.
Как воронье,
кружилась над Литвой зола…
И незабудки синие, как волны Немана,
Нам увлажнили воспалённые глаза.

Это была поэма не только о войне собственно, но и о жизни, о любви, о мире. Среди её героев – влюблённая в солдата девушка:

Робким взглядом
она ласкала Ничейную Землю.
Над берегами её
То и дело взвивались ракеты;
возле ее краев с той и с другой стороны
Целыми стаями погавкивали пулеметы.
Но уже опускалась ночь
На Ничейную Землю,

и женщине верить хотелось, что наконец
Высадится безоружный покой
на этот истерзанный остров.
Ясная звездочка взглянула
на санитарку голубоватым глазком.
Глазок заморгал, ресницы затрепетали, –
из голубой постепенно
Звезда становилась синей,
очень похожей на выросшую в сказке и
Почему-то не переросшую
в явь Синюю Птицу…
И над Ничейной Землей
Встретились их глаза –
далекой звезды и литовской мадонны.
И – словно знакомые с детства подруги –
разговорились они.
Рассказывала о месяце,
о молодом вертопрахе одна,
другая – о рядовом солдате…

Весь строй поэмы «Птицы ничейной полосы» каждой строкой обращён к читателю единой мыслью – война про-

тивоестественна миру, вселенной, природу, вечности.

Кто назвал эту землю Ничейной?
Это – территория птичья.
Птицы – тоже солдаты.
Но в обоймах у них
Серебряные патроны.
Можно, пожалуй,
сейчас называть Ничейную Землю
Птичьей Землей, потому что наверняка
Победу одержит мирная песня!..
Над устланными свинцом тропинками
реет маленький жаворонок –
Рядовая душа рядового солдата.
В клюве несет
Этот маленький
жаворонок кристальную песню.
И встретит он раньше всех
приглушенным бемолем
Новое утро еще Ничейной Земли,
с которою было бы сладко –
Словно с любимой, если б у самого уха
Голосом псевдощегла то и дело
не пела шальная пуля…

Межелайтис вспоминал об обыкновенном дне войны на Орловщине как об апогее титанической битвы с сонмом чудовищ, порождённых тьмой:

Рьяно трудились орудия,
разрушая дзоты и избы.
Белый росный туман
спешил укрыться в овраге.
Отраженья деревьев спасались в реке.
Но и там
Их настигали железные
боровы артхозяйства.
Превращались они в земляные
и водяные столбы и
Размахивали обезьяньими лапами,
нашаривая чьи-то жизни,
Словно циклопы…
О боже, каких только чудищ
Не оставляет на длинном пути
движущееся время!..
Зачем их рождает оно?
Для того ли, чтобы сжирать
И, насытившись, двигаться дальше?..

На той стороне – безжалостный враг, жестокость и человеконенавистничество. На нашей стороне – свет, солнце, вера в победу:

Артиллерия замолчала.
И ярче ещё засиял в поднебесье
Выпущенный величайшим орудием
в мире лучистый снаряд.
Не предвещал он добра
недругам светлой жизни. Там,
Где ещё недавно крепость была,
бурлило багровое море,
И беспомощно в огненных волнах
метались солдаты,
И плавились – как оловянные.
Но не было вовсе жаль их:
Ненавистью переполнились
наши сердца, и нисколько
Не было жаль этих
солдат оловянных, напоминавших
О мире, о детстве…

Автор поэмы наглядно показывает, какие колоссальные потрясения и разрушения пережила во время оккупации и боёв орловская деревня:

В деревне то и дело
заливались хохотом автоматы.
Свинцовые птицы свистели.
Снежило пухом перин.
И только кровь
оставалась реальной кровью в этой
Небывальщине адской.
Лилась, багровела, густела…
За околицей, в зарослях кукурузы,
рыскали наши
И матерщиной подымали
с земли прячущихся врагов.
Вдалеке ошалевший от страха
гнедой тащил полтелеги.
Запутавшись в вожжах,
он спотыкался, падал, вставал,
И вновь спотыкался,
и снова вставал, пока не свалился,

Свинцовым кнутом огретый.
И долго ещё над проселком
Дрожали четыре ноги –
как струны замолкшей скрипки…

Автор – он же лирический герой – вспоминал, как нашёл в развалинах книгу Райнера Марии Рильке «Часослов». Совсем недавно она принадлежала немецкому солдату или офицеру. Трудно было поверить, представить, что оголтелый фашист в минуты затишья между боями читает стихи поэта-модерниста. Автор восклицал: «Кто-то из них всё же читал и это! Кто-то читал скорбную книгу часов и вместе с поэтом устремлялся к звёздам. Золото, вспомнилось мне, и в пепле блестит. Оно просвечивает и в пепле, который оставила ещё одна тотальная глупость, чушь и безумие. Оставила куда больше пепла, чем золота. Но и эта малость хранит в себе высокий звёздный свет и с надеждой сияет даже там, где не хотят её видеть».

Почему, как просвещённая Европа в итоге породила варваров и вандалов XX века? И снова контрастом – картина разорённой орловской деревни, едва выжившей после нашествия «европейцев»:

Вокруг догорающих изб
бродили женщины в рубище.
Настоящие нищенки с виду.
Они разрывали
Палками и руками
дымящиеся бугры, надеясь
Спасти хоть что-нибудь
из своего достояния. Дым
Безжалостно ел им глаза,
и трудно было понять:
Плачут они или только
ладонью обороняются
От струек угара.
Едва ли у них сохранились слезы:
Черное горе, наверно,
давно уже было выплакано
И рассыпано по всем углам
и по всем закоулкам…

Сгорбленная старуха
прислонилась к потухшей печке,
Сиротливо торчащей
на пепелище, ненужной, никчемной
В этом ансамбле развалин,
возведенном безумным зодчим…
Дымились остатки изб…
И лишь очаги не дымились…

В этих строках – огромное сочувствие автора орловским женщинам, вынесшим все тяготы войны, спасшим осиротевших детей, взваливших на свои плечи неимоверно тяжёлые мужские заботы. Не здесь ли родилась мудрая мысль Межелайтиса, не раз звучавшая в его книгах и выступлениях в советское время: «Труднее всего самому стать человеком и помочь в этом другому. Но разве не это самое главное в жизни каждого из нас?»

Как раз когда блокнотная поэма была издана на русском языке, к Межелайтису обратились сотрудники орловского музея И. С. Тургенева – в канун

60-летия СССР они собирали сведения о писателях братских республик, биографически связанных с Орловщиной. Поэт тогда написал директору музея Н. М. Кирилловской: «Я глубоко тронут – спасибо Вам за память, за то, что не забыли и Э. Межелайтиса, который, действительно, принимал участие в Орловской битве. Этих трагических дней я никогда не забуду».

На подаренной музею книге «Клочок небес» он сделал такую дарственную надпись: «Государственному музею Ивана Сергеевича Тургенева в Орле – на память об Орловской битве. Успеха и большого счастья моему незабываемому Орлу! От всего сердца. Э. Межелайтис».

Были и другие «ниточки», связывавшие Межелайтиса с городом его военной молодости. Так, четвероклассники 32-й орловской школы сделали иллюстрации к его книге «Дневник Дайны». Он прислал им свою книгу «Песня о Немане» с тёплой дарственной надписью…

Эдуардас Межелайтис вошёл в историю как один из самых выдающихся поэтов Литвы. В его творческом арсенале были не только стихи и поэмы, но и стихи для детей, поэтическая публицистика. Его много переводили, он сам переводил на литовский язык Пушкина, Лермонтова, Маяковского, Маршака. Герой Социалистического Труда, народный поэт Литовской СССР, кавалер восьми орденов. И в переломные 1990-е годы не отрёкся от своих взглядов. Умер 6 июня 1997 года.

Так получилось, что Межелайтис ныне почти забыт. В Литве – по понятным причинам. В России о нём тоже почти не говорят – ведь не принадлежал к числу поэтов, живших в прежнее время на территории Российской Федерации. В Орле о нём, одном из самых известных бойцов 16-й Литовской дивизии, нередко вспоминают – но только в перечислительном ряду имён других поэтов Великой Отечественной войны. Однако у литературы

свои законы, у неё нет границ и рамок времени. Поэтическая философия Межелайтиса, его исповедь воина и поэта ещё найдут благодарного читателя в России и, будем надеяться, в Литве.



«МЕСТО ПИСАТЕЛЯ ВСЕГДА В РАЗВЕДКЕ…»

[Илья Эренбург]

Литературно-публицистическое наследие писателя Ильи Эренбурга огромно. За годы свое жизни (1891–1967) он написал множество книг самых разных жанров. Ныне его вспоминают в основном как автора пламенной газетной публицистики, автора романов и повестей. Но начинал как поэт (одной из первых книг стал роман в стихах «В звёздах», а перед этим была «Молитва о России»), и стихи писал всю жизнь. А ещё был увлечённым переводчиком, мемуаристом, литературоведом и искусствоведом, автором рассказов, фельетонов, трагедий, комедий, фотоальбомов.

Не раз бывал Эренбург в Орле, в Орловской области, и не только в годы мирные, но в военное лихолетье. В своей книге «Это останется навсегда» (М.,

1984) бывший редактор газеты «Красная звезда» Давид Ортенберг рассказал о первой фронтовой командировке Эренбурга в конце августа 1941 года: «Вечером я поднялся на третий этаж редакционного здания к Илье Григорьевичу. Он выстукивал на «Короне» [марка пишущей машинки. – А.К.] очередную статью в номер. Я сказал, что отправляюсь на Брянский фронт и, если у него есть желание, он может поехать со мной.

Илья Григорьевич сразу же воодушевился:

– Я готов, даже сейчас.

– Сейчас нельзя, – успокоил я его, – сейчас нужна ваша статья, а завтра утром приходите. Я скажу начальнику АХО[1], он вас экипирует.

Рано утром Илья Григорьевич был уже в редакции. Впервые я его увидел в военной форме. Вид у него был далеко не бравый. Из того, что имелось на ве-

[1] Административно-хозяйственного отдела. – А.К.

щевом складе редакции, для его худощавой и сутулой фигуры с грехом пополам подобрали гимнастерку и бриджи, сапоги оказались большими, голенища болтались, как колокола. Из-под пилотки все время выползали космы, это его раздражало, и он все время её поправлял.

Мы сразу же отправились в путь. С нами был еще Борис Галин: редакция направила его на работу в постоянную группу корреспондентов Брянского фронта.

Ночевали мы в Орле, в большой комнате какого-то штаба. Эренбург улёгся на диване, а Галин по молодости примостился на столе… К полудню уже были на месте. В сосновом лесу, в нескольких километрах от пылающего Брянска, разыскали командный пункт фронта. В деревянном с большой верандой домике лесника нашли командующего фронтом генерала А. И. Ерёменко. Встретил нас он тепло и дружески.

Еременко стал рассказывать нам о делах фронтовых. Первые успехи достигну-

ты. Освобождены десятки сел. Словом, он не сомневался, что Гудериану будет нанесен сокрушающий удар. Вскоре подошел какой-то генерал, скуластый, широкий в плечах, вмешался в наш разговор. Из его замечаний можно было сделать вывод, что у немцев всё идет к развалу.

Илья Григорьевич слушал его и улыбался: явственно чувствовалось, что этот генерал если не себя, то нас хотел взбодрить.

…Эренбург наконец добрался – впервые за войну – до живых «фрицев». Вначале мы слушали, как красноармейцы на каком-то особом солдатском коде изъяснялись с пленными. Настроение у наших людей было более чем благодушным. Они угощали гитлеровцев папиросами, называли их даже… товарищами. Какой-то унтер с расстегнутым воротником и отсутствующим выражением лица подошел к бойцу, назвал его «товарищ комиссар» в расчете тоже получить папиросу. И когда ее получил,

он тут же, отвернувшись и не думая, что его поймут, сказал другому пленному: «Русские свиньи». Писатель перевёл красноармейцам эти слова. Что здесь было – догадаться не трудно; благодушие смыло как волной».

Ортенберг подметил в той поездке, какой огромной популярностью у бойцов пользовался Эренбург, которого уже давно знали не только, как плодовитого прозаика, но и как пламенного публициста – автора отличных репортажей из сражавшейся Испании. Редактор вспоминал: «На первом контрольно-пропускном пункте, где скопилось много машин, вручили группе бойцов экземпляр «Красной звезды». Взяв газету, старший лейтенант сразу же спросил:

– А Эренбург здесь есть?

– Есть. И здесь, и там, – ответил я и показал на машину, где в глубине сидели мои спутники.

Пришлось показать им «живого» Эренбурга. Беседа была недолгой. Мы

торопились и сразу поехали дальше. Те же вопросы повторялись почти всюду. Я даже начал ревновать: почему, мол, спрашивают об Эренбурге, а не о других? Когда я пожаловался ему на это, писатель улыбнулся и ответил:

– А я чей, я тоже ваш…»

В Трубчевске перед журналистами «предстало поле недавно отгремевшей битвы, усеянное подбитыми и сожжёнными немецкими танками, орудиями, машинами. Эренбург вышел из «эмки», а за ним и все мы. У самой дороги 12 немецких танков. В небольшом отдалении почти столько же. Писатель обходит один танк за другим, стараясь понять, как протекал бой. Один из танков лежит на боку с глубокой вмятиной на корпусе. Нет пробоин в броне. Эренбург разводит руками: что здесь было? Коломейцев[2] объяснил:

– Его наш танк таранил».

[2] Специальный корреспондент «Красной звезды». – А.К.

В «Красной звезде» было напечатано несколько очерков Эренбурга после той поездки на Брянский фронт, её отзвуки нашли место во множестве других его публикаций. Потом Эренбург напишет: «Я видел сотни героев, слышал сотни изумительных историй. Это только капли живого моря; за ним дышит, сражается, живёт бессмертный народ».

Злободневные публицистические заметки Эренбурга в военные годы часто печатала и «Орловская правда». Вот только несколько примеров 1941 года: 1 октября напечатана корреспонденция Эренбурга о боях в районе Почепа (город тогда входил в состав Орловской области), 21 ноября – «Румынское босячьё», 29 ноября – «Воры расторговались», 31 декабря – «Тигр хнычет». Сам Эренбург не упускал из виду военные события в районе Орла. Велико был его интерес и к усилению партизанского движения, борьбы подпольщиков. Подшивка орловской «Партизанской правды» хранилась в архиве писателя.

Увиденное на фронте, услышанное от участников боевых действий, полученноеиз донесений и других документов складывалось не только в публицистические строки. Рождались и стихи, такие, например, как «Русская земля»:

Мяли танки тёплые хлеба,
И горела, как свеча, изба.
Шли деревни. Не забыть вовек
Визга умирающих телег,
Как лежала девочка без ног,
Как не стало на земле дорог.
Но тогда на жадного врага
Ополчились нивы и луга,
Разъярился даже горицвет,
Дерево и то стреляло вслед…
И косматые, как облака,
В рукопашную пошли века…

Поэт призывал:

Как кровь в виске твоем стучит,
Как год в крови, как счет обид,

Как горем пьян и без вина,
И как большая тишина,
Что после пуль и после мин,
И в сто пудов, на миг один,
Как эта жизнь – не ешь, не пей
И не дыши – одно: убей!

Стихотворение «Немец» поражало читателя жестокостью картины: фашист без тени жалости убивает русскую девушку-подростка в её же избе и потом садится за стол обедать, а насытившись, заваливается спать:

И до утра не спит Россия,
И до утра бойцы не спят,
И жадно вглядываясь в темень,
Они ведут свой счет обид,
И не один уж мёртвый немец
В земле окаменелой спит.
Но говорят бойцы друг другу,
Что немец тот – ещё живой…

Публицистика Эренбурга звала красноармейцев в наступление. В очерке «Харьков, Орёл, Старая Русса» (Красная звезда, 25 марта 1942 года) он писал: «Мы знали эти города свободными и красивыми, многолюдными и трудолюбивыми. Немцы превратили их в мрачные кладбища, в место пыток, в ад, где томятся бледные тени живых существ… Мы видим Орёл – родной русский город. Не звенят уже больше песни над Окой и Орликом! Словно нищие, бродят по задворкам ограбленные жители. Голодные дети и старики роются на свалках в поисках объедков. Гремят залпы – это фашисты расстреливают свои жертвы. Пьяные солдаты волокут полураздетых, истерзанных женщин в вертепы. В полицейских камерах свистят резиновые дубинки».

8 апреля 1942 года газета Брянского фронта «На разгром врага» опубликовала обращение Эренбурга: «Друг боец, русские города перед тобой: Мценск и Карачев, Брянск и Трубчевск. Там пла-

чут русские женщины: ждут тебя – освободителя… Друг боец, откуда бы ты ни был, ты защищаешь свой город, свое село, свой дом. Освободи Мценск, чтобы немец не грозил Казани. Освободи Орёл, чтобы люди спокойно спали в Сибири. Весной кипит сердце. Весна – время молодости. За жизнь, за свободу, за Родину – на немцев!»

Маршал И. Х. Баграмян вспоминал: «С Ильёй Григорьевичем Эренбургом я познакомился в июле 1942 года. Это случилось в знаменательные дни: 11-я гвардейская армия, которой я командовал, прорвала мощную оборону фашистских войск южнее Жиздры и стремилась выйти во фланг и глубокий тыл орловской группировке противника. Чем дальше мы продвигались, тем яростнее становилось сопротивление врага… На мой вопрос, куда он держит путь, Илья Григорьевич невозмутимо ответил:

– На передовую. Хотим своими глазами увидеть, как фрицы драпают.

Я пригласил к себе начальника политотдела армии и поручил ему оказать Эренбургу помощь в ознакомлении с ходом наступления и подготовить его выезд в одну из дивизий.

С Эренбургом я увиделся примерно через сутки. Он ввалился ко мне очень возбужденный и, едва успев поздороваться, начал рассказывать о своем пребывании в 8-м гвардейском стрелковом корпусе. Когда он прибыл в одну из дивизий корпуса, на ее участке немецкие танковые соединения как раз начали мощную контратаку. Им удалось несколько потеснить один из наших полков, и передовые фашистские танки с десантом автоматчиков оказались метрах в восьмистах от наблюдательного пункта командира дивизии, куда и подоспел Илья Григорьевич.

Он своими глазами наблюдал, как дымными факелами горели фашистские танки, подожженные меткими выстрелами наших артиллеристов, как в пани-

ке бежали автоматчики. Закончив свой взволнованный рассказ, Илья Григорьевич удовлетворённо подытожил:

– А всё-таки я увидел, как драпают фрицы! Это незабываемое зрелище!

Я заметил, что отныне у него всегда будет возможность лицезреть драпающих фашистов.

Лицо Ильи Григорьевича осветилось торжествующей улыбкой.

– Пусть они познают до конца горечь отступления! – вдруг нахмурился он. – Пусть детям своим закажут, если уцелеют, разбойничать!»

И были новые публицистические статьи, новые стихотворения (в 1943 году в издательстве «Советский писатель» вышел сборник «Стихи о войне»). Например, такие, как стихотворение о последних минутах перед решающим сражением:

Есть перед боем час – всё выжидает:
Винтовки, кочки, мокрая трава.
И человек невольно вспоминает
Разрозненные, темные слова.

Хозяин жизни, он обводит взором
Свой трижды восхитительный надел,
Все, что вчера еще казалось вздором,
Что второпях он будто проглядел.

Или маленькая баллада «Был лютый мороз» – о погибшем солдате, который и мёртвым идёт в яростный штурм:

…Ружейный салют был печален и важен
В холодной, в суровой, в пустой тишине.
Могилу прикрыли, а ночью – в атаку.
Боялись они оглянуться назад.
Но кто там шагает? Друзьями оплакан,
Своих земляков догоняет солдат.
Он вместе с другими бросает гранаты,
А если залягут – он крикнет «ура».
И место ему оставляют солдаты,
Усевшись вокруг золотого костра.
Его не увидеть. Повестку о смерти
Давно получили в далеком краю.
Но разве уступит солдатское сердце
И дружба, рожденная в трудном бою?

Смерть солдата на войне, казалось бы, многократно показанная и в информационном тексте (кинохронике), и в образной канве искусства, тем не менее всегда оставалась для Эренбурга не будничным фактом, а явлением вселенского смысла:

Белеют мазанки. Хотели сжечь их,
Но не успели. Вечер. Дети. Смех.
Был бой за хутор, и один разведчик
Остался на снегу. Вдали от всех
Он как бы спит.
Не бьётся больше сердце.
Он долго шёл – он к тем огням спешил.
И если не дано уйти от смерти,
Он, умирая, смерть опередил.

Эренбурга, который ещё с испанских событий был убеждён: «Место писателя всегда в разведке, а не в обозе», – солдаты любили. Свидетельств тому немало. Вот одно из них. Речь идёт танковой части, которая вела бои в 60 километрах к юго-востоку от Ливен:

«ПРИКАЗ

частям 4-й гвардейской танковой бригады 21 августа 1942 года

№ 0112с с. Берёзовка 1-я

Учитывая огромную популярность писателя Ильи Эренбурга среди личного состава и большое политическое значение его статей в деле воспитания стойкости, мужества, любви к Родине, ненависти к немцам и презрения к смерти и удовлетворяя ходатайство комсомольской организации бригады, зачислить писателя Илью Эренбурга почётным гвардии красноармейцем в списки бригады в 1-й танковый батальон.

Командир 4-й гвардейской бригады гвардии полковник Копылов

Военком бригады старший батальонный комиссар Сверчков

Начальник штаба бригады гвардии подполковник Товаченко».

В книге воспоминаний Эренбург напишет потом: «В июле 1943 года я был под Орлом. Лето стояло изумительное,

с частыми шумными ливнями. Трава была ярко-зелёной, никогда, кажется, я не видел столько полевых цветов. В лесной чаще прятались наши танки; порой я набредал на подбитые немецкие – новинки того сезона «тигры» и «фердинанды»… Кругом было много деревень, сожжённых ещё прошлым летом за связь с партизанами; всё заросло бурьяном, и только свежие надписи «Михайловка» или «Бутырки» напоминали, что здесь жили люди. В [записной] книжке названия: Льгово, Кудрявец, Стайки, Бояновичи, Пеневичи, Хвастовичи…».

В самый канун освобождения Орла (30 июля 1943 года) он размышлял в статье «Роль писателя»: «Война охватила сердце каждого. В том, как работают женщины, подростки, в суровой нужде, в бессоннице, в ожидании, в гневе есть нечто еще невиданное: война продолжается в тылу. Она заполняет ночи. Она смещает мысли. Она не даёт передышки. От неё никому не дано укрыться.

Куда ты запрячешься, слепец? В Чили? И Чили воюет. В мир цветов или звуков? Но и музы в походе. На тебя глядит девушка. Она в Смоленске. Плачет ребёнок. Он в Орле. Ещё высятся своды киевской Софии. На тебе ответственность за жизнь ребёнка, за державу, за красоту. Кто прежде воевал? Воля. Иногда страсть. Иногда рассудок. Теперь воюет совесть, и только тот, в ком нет совести, может назвать себя нейтральным».

В статье «Изгнание врага» (Красная звезда, 9 сентября 1943 года) Эренбург вспомнил события двухлетней давности, сентябрь сорок первого года: «По Крещатику проходят немецкие колонны. Берлинское радио каждый день сообщает о захвате городов, сопровождая сводки барабанным боем, присвистом, щёлканьем, лаем Гитлера, воем сотни комментаторов. Сухими, жёсткими глазами провожают бабы отступающих красноармейцев… Пыль мечется над просёлками: танки Гудериана несутся

из Путивля, из Конотопа к Орлу. Плетутся на восток женщины с грудными детьми, а немецкие лётчики их расстреливают и, возвратясь на аэродром, пьют «За близкую победу!» В Германию идут поезда с украинской пшеницей. Гитлер кричит: «Красной Армии больше нет»».

Для Эренбурга освобождение Орла было ключом к мощному наступлению Красной Армии на запад и юго-запад (будущее освобождение Киева, Донбасса, Белоруссии). Он показывает читателям всю лживость и опереточность немецкой пропаганды: «Ещё две недели тому назад немцы писали: «Русским удалось захватить один город Орёл и маленькую территорию, нигде не превосходящую пятидесяти километров в глубину. Они не смогли овладеть Донбассом и выбить нас из Украины». Хвастуны, они храбрились до последнего: пока не побежали».

С горечью писал Эренбург о трагедии мирного населения: «Наступая, Красная Армия снова видит черные дела

захватчика: пепелища городов, пустыню, тела замученных. Там, где немцы могут, они угоняют всё население. Передо мной приказ германского командования об «эвакуации» Навлинского района: «Каждый тотчас отправляется со своей семьей, скотом и движимым имуществом в западном направлении. Кто будет следовать в восточном направлении, будет обстрелян». Издыхающая змея жалит. Погибая, гитлеровская Германия хочет погубить весь мир. Так взлетают вверх минированные дома и гибнут на дорогах русские дети. А если послушать рассказы оставшихся, если поглядеть в их глаза, мутные от страха и унижения, откроется другая «зона пустыни» – в сердцах людей, опустошённых двумя годами устрашения и бесправия».

Упомянут Орёл и в очерке о сапёрах «Чернорабочие победы» (Красная звезда, 28 октября 1943 года). В стихах появляются новые ноты – надежда на возрождение мирной жизни, уверенность,

что так и будет на недавних полях сражений:

Минет год, и травой зелёной
Зазвенят весенние поля.
Так же будут шумные ребята
Играть и расти, расти, как трава,
Так же будут девушки в часы заката
Слушать голос ветра и любви слова.
Сколько, сколько весен было прежде?
И кресты какие позади?

Увы, таких оптимистичных нот в стихах Эренбурга тех лет было не так уж и много. Первый послевоенный сборник «Дерево. Стихи 1938–1945 гг.» поначалу не печатали («чересчур пессимистично», «слишком мрачно»). Книга вышла в 1946 году в издательстве «Советский писатель» небольшим форматом и не самым большим для того времени тиражом (10 тысяч экземпляров). Бдительные идеологи хотели подвергнуть сборник привычной проработке,

но Эренбург в это время был заграницей, вёл активнейшую работу по организации международного движения сторонников мира. В итоге намеченную процедуру «спустили на тормозах».

Эренбург часто вспоминал фронтовиков, с которыми познакомился, с которыми переписывался в годы войны. Живы ли они остались? Как сложились судьбы? Когда кто-то, уже полтора-два десятилетия спустя, присылал ему письмо, он был несказанно рад. Вспоминал военные встречи, перебирал старые фотоснимки – их потом опубликовали в его трёхтомнике «Люди. Годы. Жизнь»: Эренбург среди командиров накануне освобождения Орла. Майор Харченко, младший лейтенант Ионсян, лейтенант Плавник, автоматчик Митя Буйлов…

Эренбург нередко бывал в памятных местах. Были поездки по маршрутам Киев – Погар – Брянск, Тула – Орёл. Поклонился тургеневскому дубу в Спасском-Лутовинове, прикоснулся к памяти о Тур-

геневе. В книге воспоминаний «Люди, годы, жизнь» написал скромно: «В Орле я видел его диван, книги с пометками; поглядел на дом Лескова. Постоял у заброшенной могилы Фета». А ведь не просто побывал на могиле знаменитого лирика. Как депутат Верховного Совета СССР Эренбург написал официальное письмо в Орловский обком ВКП(б):

«Я получил письмо от научного работника Н. П. Пузина, который сообщает мне, что могила известного русского поэта, находящаяся в селе Клеймёново, очень запущена и никем не охраняется. До немецкой оккупации могила поддерживалась в порядке. После войны склеп был превращён в хранилище для овощей. Осенью 1951 г. по указанию секретаря ЦК ВЛКСМ тов. Михайлова склеп был освобождён Володарским райпотребсоюзом, но могила продолжает оставаться в запущенном состоянии; склеп загрязнён, снята эпитафия на мраморной доске, разрушен пол.

Прошу вас принять меры, чтобы могила поэта А. Фета была приведена в пристойный вид. Буду признателен, если вы напишете мне о сделанном Вами».

В одну из поездок в Орёл (цели командировок были разные, в том числе проведение читательской конференции по роману «Буря») Эренбург провёл официальные встречи с журналистами и литераторами. А потом пообщаться в неформальной обстановке его пригласили в дом на 2-й Курской улице, где жила чета Николаевых-Федоренко, работавших в «Орловской правде». Можно представить, сколько здесь было воспоминаний о пережитом. И вполне возможно, Эренбург читал своим орловским коллегам и друзьям стихи:

А мы такие зимы знали,
Вжились в такие холода,
Что даже не было печали,
Но только гордость и беда.

Или вот такие строки:

Есть надоедливая вдоволь повесть,
Как плачет человеческая совесть.
Она особенно скулит средь ночи,
Когда никто с ней говорить не хочет…

Участвовал Эренбург и в научной сессии «Тургенев в странах народной демократии и в литературах народов СССР», подготовленной орловским музеем И. С. Тургенева совместно с Институтом русской литературы Академии наук СССР (сентябрь 1958 года). Здесь, в Орле, он был в ряду академиков-литературоведов, именитых зарубежных гостей и гостей из союзных республик. Выступил с большим докладом об уроках Тургенева для современности. Текст этого доклада «Литературная Россия» напечатала осенью 1968 года, в канун 150-летия со дня рождения Тургенева. Но автора этого могучего слова писателя о писателе к тому времени уже не было в живых.

«ЧТОБ НЕБО НИКОГДА НЕ СЛЕПЛО НАД ГОРОДОМ ТВОИМ…»

[Арсений Тарковский]

Арсений Александрович Тарковский (1907–1989) родился в Елисаветграде Херсонской губернии (потом город переименовали в Кировоград). Учился на Высших литературных курсах в Москве. Работал во всесоюзной железнодорожной газете «Гудок», на радио, писал пьесы для радиопостановок, много занимался переводами (заслужил оценку: «подлинный соловей переводческой поэзии»). В 1940 году был принят в Союз писателей СССР.

Вскоре после начала Великой Отечественной войны, как и многие другие писатели, Тарковский был отправлен в эвакуацию в Чистополь (Татария). Но оставаться в тылу считал лично для себя невозможным, тем более что имел воен-

ный билет и звание техника-интенданта 1-го ранга. Уже в начале октября написал заявление в президиум Союза писателей СССР с просьбой направить его на фронт. В ноябре президиум обратился по этому вопросу в Наркомат обороны СССР. Ответа нет. В начале декабря руководитель Союза писателей Александр Фадеев обращается в «Правду», чтобы оттуда просьбу об отправке на фронт передали в Главное политуправление армии. Снова безрезультатно. В середине декабря президиум Союза обращается непосредственно в Главное политуправление армии… В итоге Тарковскому пришлось написать больше десятка заявлений, прежде чем его просьба была удовлетворена – в начале 1942 года он стал журналистом редакции газеты 16-й армии «Боевая тревога».

На фронте Тарковскому пригодился опыт газетной работы, в том же «Гудке». Он писал очерки, небольшие поэмы, басни, частушки. Напечатанные в армейской многотиражке стихи посылал

в Москву, в Союз писателей СССР как творческий отчёт о работе на фронте.

Весной 1942 года был организован армейский ансамбль песни и пляски. Именно Тарковский писал песни для ансамбля. Был и одним из авторов большого цикла стихов о солдате Иване Хватове – «родном брате» Василия Тёркина из будущей поэмы Твардовского.

Сохранились письма и стихи, адресованные родным и датированные 1942 годом. Вот стихотворение, посвящённое жене Антонине:

Если б ты написала сегодня письмо,
До меня бы оно долетело само,
Пусть без марок,
с помарками, пусть в штемпелях,
Без приписок и запаха роз на полях,
Пусть без адреса,
пусть без признаний твоих,
Мимо всех почтальонов и почт полевых,
Пусть в землянку,
сквозь землю, сюда, – всё равно
До меня бы само долетело оно.

Напиши мне хоть строчку одну,
хоть одну
Птичью строчку из гласных сюда,
на войну.
Что письмо!
Хорошо, пусть не будет письма,
Ты меня и без писем сводила с ума,
Стань на Запад лицом, через горы твои,
Через сини моря *иоа аои*[1].
Хоть мгновенье одно
без пространств и времен,
Только крылья мелькнут
сквозь запутанный сон,
И, взлетая, дыханье на миг затаи –
Через горы-моря иоа аои!

[1] Слова, выделенные курсивом, – пример неповторимой поэтической звукописи Тарковского. Есть предположение, что их звучание и смысл восходят к мифологии или какому-либо древнему имени, восклицанию. Предполагают также, что это была попытка выразить что-то похожее на пение птиц. Сам поэт напечатал стихотворение только в конце жизни.

14 ноября 1942 года Тарковский-старший писал десятилетнему сыну Андрею: «У меня пока всё благополучно. Боёв у нас больших нет. Ты спрашиваешь, когда кончится война? Я и сам не знаю. Может быть – скорей, чем кажется, и тогда мы снова увидимся с тобой, Андрюшенька, и я тебя поцелую крепко-крепко, потому что я очень люблю тебя и скучаю по тебе. Я очень рад, что роза ожила на печке. Я тоже люблю цветы и животных и всегда старался не обижать их, быть и растениям, и животным старшим братом, заботиться о них. Никогда не обижай и твою сестрёночку Маришку: ты должен на всю жизнь быть ей верной защитой. Целую тебя крепко и нежно, мой родной. Будь хорошим, пиши мне письма каждую неделю и пиши откровенно, хорошим или плохим был ты эту неделю, и чем был хорош или плох.

Целую тебя ещё разочек. Поцелуй от меня бабусю Верусю.

Твой папа».

В весточках родным он хотел их успокоить, согреть надеждой. Но в реальности всё было куда тревожней, куда суровей. Тогда, в 1942-м, сложилось стихотворение, которое можно считать пророческим:

Немецкий автоматчик
подстрелит на дороге,
Осколком ли фугаски
перешибут мне ноги,
В живот ли пулю
влепит эсесовец-мальчишка,
Но всё равно мне будет
на этом фронте крышка.
И буду я разутый, без имени и славы
Замёрзшими глазами
смотреть на снег кровавый.

Капитан Тарковский (таким теперь было его воинское звание) честно выполнял свой долг. Свидетельством тому – строки из наградного листа: «Показал себя способным поэтом. Его перу

принадлежат десятки поэм и стихов, посвящённых героям нашей армии. Своими поэмами, стихами, рифмованными шапками [большими, на всю газетную полосу призывными заголовками. – А.К.], сатирой и юмором, печатаемыми регулярно в газете, тов. Тарковский прививал бойцам любовь к родине и жгучую ненависть к врагу… Тарковский обработал и дал в печать до сотни стихов молодых красноармейских поэтов, к творчеству которых он относится с большим вниманием, помогая им письмами и личными советами.

Очень часто во время боёв Тарковский находился среди красноармейцев передовых подразделений и, рискуя жизнью, собирал материал о героях. Вместе с передовыми частями вошёл в отбитый у противника районный центр Брынь [до 1948 года село было центром Думиничского района, ныне Калужской области. – А.К.] и поэт газеты Тарковский. Во время июльских наступательных и августовских [1942 года. – А.К.] оборонитель-

ных боёв Тарковский находился в 11 гксд [гвардейской краснознамённой стрелковой дивизии] и 322 сд [стрелковой дивизии] и оперативно освещал боевую деятельность войск, воспевал героику. В февральско-мартовском наступлении 1943 г. Тарковский всё время находился в передовых действующих частях. Будучи в 97 сд, он умело показал в очерке и стихах русского богатыря – снайпера Везбердева, дал ряд ценных оперативных материалов. И на передовой линии под огнём противника Тарковский ведёт себя мужественно, находит возможность работать и в этой обстановке».

Приказом командующего войсками 16-й армии И. Х. Баграмяна в апреле 1943 года Тарковский был награждён орденом Красной Звезды.

Февральско-мартовское наступление 1942 года – это ожесточённые бои на Орловском направлении, которые закончились неудачей для советских войск. В частности, 97-я стрелковая дивизия

понесла большие потери и уже в марте была выведена во второй эшелон. Однако общая неудача не означала, что в воинских рядах оказалось мало отважных бойцов. Не случайно Тарковский сделал героем своего очерка и стихов умелого снайпера: сибиряк Сергей Георгиевич Везбердев уничтожил более 150 солдат и офицеров противника.

Упомянутые в наградном листе «июльские наступательные и августовские оборонительные бои» – это неудачная операция по овладению Болховом в июле 1942 года.

Предстоял ещё целый год, прежде чем задуманное воплотилось в жизнь. 1 мая 1943 года 16-й армии было присвоено звание гвардейской, соответственно она стала 11-й гвардейской армией. В составе Брянского фронта участвовала в Орловской и Брянской наступательных операциях. И этими дорогами Орловщины шагал военный журналист Арсений Тарковский. Когда был освобождён

Орёл, в армейской газете появилось его победное стихотворение:

Он был в аду, в плену два года
И кровью жаркой изошёл,
Но силой русского народа
Освобождён Орёл.

Теперь восстанет он из пепла,
Уйдёт в лазурь горючий дым,
Чтоб небо никогда не слепло
Над городом твоим.

Проносят знамя боевое,
И от серебряной Оки
На запад, вдаль идут герои,
Летят штурмовики.

И вечер вражьей кровью дышит,
В дыму созвездия встают,
А в полночь родина услышит
Торжественный салют.

И брови сдвинуты сурово,
Упруг и чёток шаг бойца.
Глубоко сталинское слово
Запало нам в сердца.

И как ни труден путь солдата
Покоя ты не хочешь знать,
Пока врагом земля измята:
Сын будет мстить за мать.

А тот, кто пал в бою с врагами, –
Любимый сын земли родной –
Останется навеки с нами
И нашими пойдет путями
Из боя в новый бой!

И в день освобождения Карачева, 17 августа 1943 года, в армейской газете о победе извещали строки Тарковского:

Небесный холст снарядами распорот,
И горьким дымом тяжело дышать.
Напрасно немцы этот город
В своих руках пытались удержать.

Иди, попробуй в грозный час прибоя
Кипучую волну останови!
На свете нет преграды для героя,
Враг захлебнулся в собственной крови.

Ещё одну страницу в Книгу славы
Бойцы вписали пулей и штыком.
Карачев – наш. Но длится бой кровавый
За городом, охваченным огнём.

В немых слёзах нас ждёт земля родная,
Потоптанные кличут нас луга,
Нас братья ждут, в плену изнемогая…
Вперёд, гвардейцы, по следам врага!

В конце сентября 1943 года поэт получил кратковременный отпуск. По дороге с фронта в Москву он написал стихотворение:

Хорошо мне в теплушке,
Тут бы век вековать, –
Сумка вместо подушки,
И на дождь наплевать.

Мне бы ехать с бойцами,
Грызть бы мне сухари,
Петь да спать бы ночами
От зари до зари,

У вокзалов разбитых
Брать крутой кипяток –
Бездомовный напиток –
В жестяной котелок.

Мне б из этого рая
Никуда не глядеть,
С темнотой засыпая,
Ничего не хотеть –

Ни дороги попятной,
Разорённой войной,
Ни туда, ни обратно,
Ни на фронт, ни домой, –

Но торопит, рыдая,
Песня стольких разлук,
Жизнь моя кочевая,
Твой скрежещущий стук.

Тогда же в военном блокноте сложились такие строки:

Четыре дня мне ехать до Москвы.
И дождь, и грязь, да поезжай в объезд,
А там, в пучках измызганной травы,
Торчит берёзовый немецкий крест.
Судьба, куда ты немца занесла,
Зачем его швырнула как мешок
У старого орловского села,
Что, может быть, он сам недавно жёг?
Так, через эти чуждые гробы,
Колёса наши пролагают след.
А что нет дела немцу до судьбы,
То и судьбе до немца дела нет.

После разлуки Тарковский ненадолго увиделся с родными. Но вторая командировка поэта на фронт стала куда короче предыдущей. В декабре 1943 года в Витебской области он был ранен в ногу. Ранение оказалось крайне серьёзным, его перевезли в Москву, в Институт хирургии, пришлось сделать

ампутацию. О возвращении на фронт не могло быть и речи.

Тарковский, переживая все госпитальные тяготы, не терял самообладания, сохранял и всегда присущее ему ироническое отношение к происходящему. В феврале 1944 года он писал только что избранному руководителем Союза писателей СССР Николаю Тихонову: «По своей ценности в глазах моей родины моё ранение может быть приравнено просто к болезни, не более. И ему никак нельзя приписать героический характер».

Несколько лет Арсений Александрович занимался только переводами. Лишь в 1962 году вышел в свет его первый авторский сборник «Перед снегом». В том же году сын Андрей получил Золотого Льва на Венецианском кинофестивале за дебютный фильм о войне «Иваново детство».

«С БОЕМ ВЗЯЛИ МЫ ОРЁЛ!»

[Евгений Долматовский]

Евгений Долматовский родился в Москве в 1915 году в семье адвоката. Рано начал писать стихи, учился в педагогическом техникуме, больше двух лет работал на строительстве метро (много позже он напишет об этом поэму, ставшую основой художественного фильма «Добровольцы»). И в это же время учился в Литературном институте. Диплом получил в 1937 году, тогда же его приняли в Союз писателей СССР.

22-летнему поэту посоветовали отправиться на Дальний Восток – там организовывалось отделение Союза писателей. Ему было интересно попасть в незнакомый край: «Моя служба на Дальнем Востоке оказалась строительством фундамента дальнейшей жизни, – позже писал он в воспоминаниях. – Горячей линией была граница, я выезжал

не раз на те заставы, где происходили инциденты, проще говоря, боевые столкновения с японскими милитаристами».

В марте 1938 года отца Евгения арестовали, обвинили в контрреволюционной деятельности (он не раз выступал адвокатом на процессах по делам «врагов народа»). Об аресте сын узнал, вернувшись в Москву после долгой командировки. Вместе с матерью обивал пороги разных ведомств, дошёл до генерального прокурора Вышинского, давнего сослуживца отца и хорошего знакомого семьи.

Тягостной была эта встреча. Долматовские – жена и сын – принесли старые письма самого Вышинского, адресованные когда-то коллеге. Прокурор в ярости порвал письма, просителей выгнал из кабинета. Участь Долматовского-старшего была предрешена – расстреляли в феврале 1939-го…

Но в тот же год сын получил орден «Знак Почета». Он стал широко известен и как поэт (поэма «Феликс Дзержинский»

и сборник «Дальневосточные стихи»), и как военный корреспондент (освободительный поход в Западную Белоруссию, финская война), и как автор песен («Любимый город» в фильме «Истребители», «Всё стало вокруг голубым и зелёным в «Сердцах четырёх», а ещё «Ты ждёшь, Лизавета, от друга привета», «Я уходил тогда в поход, в далекие края…»).

С началом Великой Отечественной войны – снова фронтовой корреспондент, в редакции газеты «Красная Армия». В августе 1941 попал в «Уманский котёл» на Украине, там тогда оказались две армии Юго-Западного фронта. Раненого в голову и руку Долматовского взяли в плен. Он бежал, но снова был схвачен, снова бежал из лагеря…

А в Москве Долматовского посчитали погибшим. Константин Симонов посвятил памяти друга стихотворение «Мы не увидимся с тобой…» И только мать не поверила в смерть, не пошла на поминки…

Долматовский упрямо и скрытно шёл на восток – в дырявой лодчонке с сельскими пацанами кое-как переправился через Днепр, а пробирался лесами, партизанскими тропами. Повезло проскочить через линию фронта. И вот в ноябре 1941 года оказался в Воронеже, в редакции своей газеты. В том самом Воронеже, где всего полгода назад они с Симоновым выступали с чтением стихов в местных вузах и в филармонии, где всё дышало тогда весной и мирным ладом…

Сотрудник газеты Борис Палийчук вспоминал: «Глубокой осенью 1941 года в музыкальное училище, где располагалась наша редакция, пришёл бородатый, вырвавшийся из фашистского лагеря смерти Евгений Долматовский. С присущей ему энергией сразу же включился в работу. Вместе с композитором Марком Фрадкиным написал песню о Днепре. Песня была напечатана в газете и подхвачена буквально всем фронтом. Никогда не забуду, с каким воодушев-

лением исполнил эту песню фронтовой ансамбль в нетопленом, холодном воронежском цирке. Помещение было переполнено. Большинство – раненые в повязках, на костылях. По суровым солдатским лицам струились слёзы…»

А матери Евгений написал тогда: «Я должен пройти весь путь обратно, но уже в составе наступающей армии. Твой неистребимый сын».

Весть о его спасении воскрешала надежду в душах тех, кто получил извещение о пропавших без вести сыновьях, мужьях, братьях. Поэтической строкой он рассказывал о военных событиях тех дней под Воронежем, под Курском – свидетельством чему стихотворение «В городе Тим», напечатанное в «Комсомольской правде» 31 декабря 1941 года…

Его фронтовой путь – это путь великих сражений. Долматовский был под Сталинградом. После победного финала в этой грандиозной битве войска перебрасывали ближе к Орлу и Курску.

Семь суток эшелон, в котором ехали Долматовский и Фрадкин, был в пути, и на всех станциях Фрадкин наигрывал перед бойцами складывавшуюся новую песню на стихи Долматовского.

Итоговое звучание она обрела в конечной точке того путешествия весны 1943 года – в Ельце. Это был «Офицерский вальс». А вскоре слово «офицерский» в названии было заменено на «случайный» – ведь песня была ещё и солдатской, да и вообще скоро стала поистине народной, одной из любимых лирических песен военной поры.

Ночь коротка,
Спят облака…
Я совсем танцевать разучился
И прошу вас, меня извинить.
Утро зовёт
Снова в поход…
Покидая ваш маленький город
Я пройду мимо ваших ворот.

Во время битвы на Курской дуге Долматовский был в Понырях и Малоархангельске. Он посвятил стихи воинам-героям, стоявшим здесь насмерть. Это стихотворение «Сирень», поэма «Поныри», песня «О Понырях» (композитор Матвей Блантер).

Вот несколько строф из поэмы «Поныри»:

Есть между Курском и Орлом
Вокзал и станция одна –
В далёком времени былом
Здесь проживала тишина.

Лишь временами гром и дым
Врывались весело в вокзал:
Зелёный поезд, шедший в Крым,
Здесь воду пил и уголь брал.

Здесь разливали молоко,
Кур покупали впопыхах.
Свисток. И поезд далеко,
В полях, во ржи и васильках.

Я снова в памяти найду
Полоску розовой зари
И эту станцию в саду,
С названьем странным – Поныри.

…Мы взяли станцию зимой,
И бой на север отошёл,
Туда, где линией прямой
Стремятся рельсы на Орёл.

Просто и бесхитростно, но поэтически зримо и правдиво, как в лермонтовском «Бородине», показал Долматовский бои на этом направлении.

И снова лезут. И опять
На танке танк, на трупе труп,
И надо биться, жить, стрелять,
Стирая пену с чёрных губ.

Гремели в долах и лесах
Бои с зари и до зари.
Орёл и Курск – как на весах,
А посредине – Поныри.

Хрестоматийно известным стало стихотворение Долматовского «Курская дуга»:

В тургеневских охотничьих местах
Воронки, груды мёртвого металла.
Здесь за день до двенадцати атак
Отчаянная рота отбивала.

А как бомбили нас! Не говори –
Такого в Сталинграде не видали.
Всю ночь качались в небе фонари,
Кровавым светом озаряя дали,

С рассветом «тигры» шли на нас опять
И вспыхивали дымными столбами,
И приникали мы, устав стрелять,
К горячей фляге пыльными губами.

А все же удержали рубежи,
В июльской битве оправдав надежды.
Окопы на полях примятой ржи
Проходят там, где проходили прежде.

И на скелете пушки «фердинанд»,
Прорвавшейся на русские пригорки,
Фотографируется лейтенант,
А над пилоткой нимбом – дым махорки.

На следующий день после освобождения Брянска в главной газете страны – «Правда» – было напечатано стихотворение Долматовского «На Десне»:

Наполнив каску голубой водой
И голову лихую запрокинув,
С улыбкой пьёт гвардеец молодой
Струю Десны – напиток Украины.
Он, как вино, родную воду пьёт,
От радости и гордости пьянея.
В дыму, в крови грохочет наш поход,
Но чем трудней удача, тем вернее…

В освобождённых городах он записывал песни, которые пели люди в фашистской неволе (собрал более 300 таких текстов!). И уверенно заявлял на писательском пленуме в Москве: «Немцы

захватили огромную часть нашей территории. Но нашу культуру, нашу литературу, нашу поэзию – буквально ни на одно слово они не сумели захватить».

Когда войска вошли в Гомель, в газете «Красная Армия» появилось ещё одно его стихотворение – «Улицы-дороги», которому суждено было стать широко известной песней. Тогда Долматовский подметил примету: окраинная улица города, по которой проходили наступающие войска, обязательно указывала путь к следующему городу. В Орле – Брянская улица (на самом деле, конечно, это была улица Карачевская), в Брянске – Гомельская, в Гомеле – Минская…

С боем взяли мы Орёл,
город весь прошли,
И последней улицы название прочли,
А название такое, право, слово боевое:
Брянская улица по городу идёт –
Значит, нам туда дорога,
Значит, нам туда дорога
Брянская улица назапад нас ведёт…

Марк Фрадкин написал задорную музыку, и песня зазвучала по радио в исполнении Леонида Утёсова. Знаменитый эстрадный певец вспоминал потом: «Одна беда – песня скоро начала стареть. Ведь кончалась она призывом: «Вперёд, на Минск!» А в июле 1944 года столица Советской Белоруссии была уже освобождена. Советские воины шли дальше на запад, и я стал прибавлять названия новых городов, взятых нашими войсками: Брест, Львов, Люблин, Варшаву и так далее, заканчивая словами «На Берлин!»».

Так песня отразила не только боевой путь армии-освободительницы, но и военную биографию самого автора стихов. Долматовский писал: «Моя должность в военных служебных предписаниях была сформулирована кратко: поэт. Это значило, что я стреляю во врага стихами и песнями. Но идиллическое название моей должности не помешало получить ранения в голову, руку и ногу, попасть в самом начале войны в окружение, узнать войну не со стороны. В должности поэта я был в Сталинграде, на Курской дуге, при фор-

сировании Днепра, Вислы и Одера и вот, наконец, оказался в Берлине».

В послевоенные годы Долматовский написал ещё много замечательных песен («За фабричной заставой», «Родина слышит», «Комсомольцы-добровольцы», «Если бы парни всей земли»). Воспоминания об эскадрилье «Нормандия-Неман», воевавшей в орловском небе, легли в основу песни «Я волнуюсь, заслышав французскую речь…» Её, как и другие песни Долматовского, проникновенно исполнял Марк Бернес.

Память о войне не отпускала поэта. Стихи, песни, участие в создании кинофильмов. Уже в 1970-е годы он написал документальную книгу «Зелёная брама» – об одном из первых сражений Великой Отечественной войны, о поражении, окружении, плене, о том, через какие испытания довелось пройти защитникам Родины. Страницы этой книги особенно внимательно читали тогда те, кто всё ещё искал пропавших без вести в 1941 году солдат, – вдруг мелькнёт родная фамилия?

Вышли из печати и двухтомник воспоминаний Долматовского «Было» («Записки поэта»), его рассказы, очерки. Несмотря на самую широкую известность, популярность, сам он вполне отдавал себе отчёт в том, что современное общество постепенно утрачивает интерес (словно это была какая-то мода) к военной теме. В одном из последних стихотворений сетовал (приведу только две выдержки):

Всё старался успеть,
все боялся проспать.
В час ложился
и ставил будильник на пять…

А сегодня пришёл то ли сын, то ли внук,
Кандидат неизвестных каких-то наук,
И с ухмылкой глядит на меня, говоря,
Что спешил я напрасно, что всё это зря.

Поэт умер в 1994 году. Его стихи и проза со временем стали сродни историческим документам. А песни ныне звучат и в праздники, и в будни – голоса и мелодии великой эпохи…

«ПОТОМУ ЧТО ЖИЗНЬ НЕЛЬЗЯ УБИТЬ…»

[Елена Благинина]

Имя Елены Александровны Благининой (1903–1989) известно широко, известно как имя автора детских стихов. Эти её книги выходили многотысячными тиражами. Однако мало кто из литературоведов и историков литературы обращал пристальное внимание на так называемые «взрослые стихи» Благининой, тем более на её стихи о войне. Эта часть её творчества имеет особую ценность – и литературную, и историческую (особенно для малой родины Благининой – Орловщины).

К началу Великой Отечественной войны Благинина была уже признанным детским писателем. Её фамилия в документах Союза писателей СССР значилась тогда в одном ряду с именами Маршака, Чуковского, Кассиля. Однако в силу обстоятельств в первый пери-

од войны Благинина не была заметной фигурой литературной и общественной жизни страны. В октябре 1941 – августе 1942 года она была в эвакуации в Красноуфимске (ныне Свердловская область), работала в местной районной газете «Ленинский путь».

Это было время тяжёлых испытаний. В рядах Красной Армии сражались муж Благининой Георгий Оболдуев и три её брата: Александр, Дмитрий, Михаил (двое из них погибли). В эвакуации умер отец Александр Александрович. Елена Александровна тяжело переживала его уход, посвятила отцу такие прощальные строки:

Уже огни вечерние
Над жизнью зажжены.
Прости мои дочерние
Вины без вины!

Уж больно ненаходчива,
Ой, не умна была,
Коль из-под крова отчего
Душой, душой ушла.

Писулечки, подарочки,
Посылочки, гроши –
Слабые огарочки,
А не огонь души.

Фамилию и отчество
И кровь твою взяла,
А вот от одиночества –
Нет, не упасла!

Все радости короткие.
Все страсти отдаю
За руки эти кроткие,
За простоту твою!

Да толку что поминками
Терзаться в тишине!
… Лежишь ты под осинками –
На дальней стороне.

В эвакуации Благинина пережила неустроенность холод, голод – все тяготы чужбины. Возможно, именно эти испытания позже воплотились в строки стихотворения «Хлеб»:

На свете я видела хлеба немало –
Крестьянка его из печи вынимала
И клала на стол, осеняя крестом,
И он отдыхал, накрытый холстом,

В горнице пахло сильно и сладко,
Хлеб грозным казался, как имя отца,
За трапезой ели его без остатка –
Ни корки, ни крошки, ломоть – до конца.

На свете я видела хлеба немного.
Его отмеряли так скудно, так строго.
Его запивали крутым кипятком,
Его называли не хлебом – пайком.

С соломкой, с мякиной,
с трухой, со жмыхами,
Он всё же казался желанней всего!
И матери тайно и тяжко вздыхали,
Когда на частицы делили его.

Война, горький хлеб, горькие стихи – это всё было не временным, не преходящим. Всё это определяло и опреде-

лило отношение поэта к жизни и людям на все оставшиеся годы.

В январе 1942 года Благинина написала несколько писем в Союз писателей СССР, где сообщила о своей работе в радиокомитете в Свердловске, о выходе в свет книги в Кирове и о желании вернуться в Москву. Но тогда ей ответили отказом. Спустя более чем полгода разрешение было получено, и в сентябре 1942 года Благинина вернулась в Москву.

В столице она узнала об освобождении Орла, вместе с залпами первого салюта родилось желание поехать в город детства, «прикоснуться к родным ранам». 10 августа 1943 года Благинина участвовала в заседании президиума ССП СССР, которое вёл А. А. Фадеев. Президиум постановил: направить группы писателей (2–3 человека) сроком на два-три месяца для работы по восстановлению литературных организаций в те областные и республиканские цен-

тры, где невозможно сделать это в кратчайший срок местными силами.

Однако до воплощения идеи в жизнь прошло какое-то время. И дело было даже не в восстановлении дорог, в необходимости создания хотя бы элементарных условий для жизни в освобождённых городах. Одной из причин отсрочки было отсутствие у Союза писателей необходимых средств для организации командировки. Даже два месяца спустя Благинина по-прежнему оставалась в столице, о чём можно судить по её отметке о ночном дежурстве в правлении Союза писателей СССР 8 октября.

И вот в ноябре Благинина выехала в Орёл. В записной книжке она сохранила первые впечатления (путь с вокзала) от встречи с городом детства и юности:

«Взошла луна, идти стало легче. Ноябрьский ветер дул в спину. рюкзак оттягивал плечи, ноги заплетались, коченели руки.

Родная Московская развернулась предо мной, и я испугалась и опечалилась: чем дальше, тем выше становились дома, тем ужаснее зияли разрушения. Из сквозных корпусов, из пустых оконниц лился холодный мрак, жалобно билось, стеная, оторванное железо; безлюдье и холод делали еще страшнее эту картину разора.

Неужели это тот самый город, в котором жили мои родители и родители моих родителей? Неужели тут справлялись мирные и скромные пиры, вершились семейные советы, переживались трагедии? Неужели в этом самом городе мы сидели в малиннике. надевали по праздникам кисейные платья. ели теплые ситники…

Неужели к этому вокзалу торопились мои старики с яблоками и молоком, встречая южный поезд, в котором ехала их счастливая дочь?

Какая трогательная и мирная картина: две маленькие фигурки на залитом светом перроне, провожавшие глазами вагон за вагоном!

Неужели здесь так много читано и думано о красе земной и о самой жизни?

Где луга, залитые иван-чаем, мирные ивы над прудами, скромные яблоки в вешнем цвету, поля, колеи, кладбища и тропы?

Где горенка, в которой бабуся Юлечка чихала от понюшки, хлопоча над стряпней, а дед сидел в своем «кабинете» и (так нам казалось) стерег волшебную укладку с леденцами и мятными жамками?

Где плотины, овраги, заросшие гигантскими зонтами лопухов, сады в жасминах и соловьином пенье, девки в пахучих ситцах, пастушья свирель на заре, ладные песни, присказки и прибаутки?

Всю память, всю свежесть, всю радость отшибло фашистской бомбой, и остался лишь ветер, рвущий железо с изуродованных крыш».

Тогда родилось стихотворение «Орёл сорок третьего»:

Выпало звено, и цепь распалась –
Нет ключа от города Орла…
Я ж ещё в пруду не поплескалась,
Я ж ещё в саду не побыла!

Яблочка отведать не успела,
Не доела тёплого ломтя,
Материнской песни не допела,
Не сумела уберечь дитя!

Я ж ещё с родными не простилась,
Милого звала – не дозвалась…
Утренней звездой не засветилась
И вечернею не пролилась.

Стихотворение было посвящено погибшему на фронте брату и его ровесникам-землякам:

Спят орлы в сырой земле орловской,
Воротившие бездомным кров, –
Новиков, Благинин и Шабловский,
Заломёнков, Бухвостов, Петров…

Ещё впечатления от встречи Елены Благининой с городом – в стихотворении «Лестница, которая никуда не ведёт»:

Что может быть грустней предмета,
Который вовсе ни к чему?..
Вот лестница большая эта
В моём разрушенном дому.

Она не тронута разрывом
И даже не повреждена –
Движеньем лёгким и красивым
Вперёд и вверх устремлена.

Один, и два, и три пролёта,
И я стою, почти без сил,
Как будто очень страшный кто-то
Мой быстрый бег остановил.

Те же мотивы в стихотворении «Окно»:

Над пустой оконницей
Плачет ночь пургой,

Будто над покойницей
Самой дорогой.

Поэт стремилась сделать для читателей явственным, осязаемым состояние разрушенного города. И делала это не через показ настроения его обитателей, а демонстрацией предметного ряда, неким одушевлением вещей, как, например, в стихотворении «Одинокие печки»:

Ни крыши, ни стен, ни крылечек,
Ни даже деревьев в саду!
Лишь кафельных несколько печек
На лютом стоит холоду.

Им стыдно. Они присмирели.
Им очень, видать, тяжело…
Они наши горницы грели,
Дрова в их утробе горели
И нам отдавали тепло.

Во всех этих стихотворениях рефреном контраст с ужасающей картиной

разрушений – сокровенные воспоминания о детстве и юности, в частности, в стихотворении «Окно»:

Десятилинейная
Лампа в колпачке,
Занавесь кисейная,
Фикус в уголке.

Ветку добролапую
Вытянул из тьмы…
За которым с папою
Танцевали мы.

Пляски именинные –
Прочь половики!
…Милые, старинные
Польки, трепаки…

Тот же мотив яростной борьбы сердечных воспоминаний со стужей реальности в стихотворении «Одинокие печки»:

Но что нам до вьюги за дело
В тепле благодатном таком?

Мы ляжем… И сны золотые
Придут, приплывут, прибегут.
И печки, теплом налитые,
Наш сонный уют стерегут.

Шок от первой встречи с городом постепенно проходил. У Благининой и приехавших с ней коллег-писателей состоялись встречи с железнодорожниками, бойцами, учителями, партийными работниками. Стала видна панорама возрождения Орла. Об этих днях Благинина писала: «Я воочию видела, как подымался народ-великан, как самоотверженно и стойко трудился он для того, чтобы залечить смертельные раны, нанесённые врагом. Учащие и учащиеся своими руками ремонтировали школы, в утлых развалинах открывались ясли и детские дома, на разорённом, чёрном, как бы перевернутом вверх ногами вокзале точно по волшебству появлялись кипятильники, комнаты матери и ребёнка, залы ожиданий и комнаты для раненых».

В редакции «Орловской правды» (размещалась тогда по улице Сакко и Ванцетти, 36) была создана литературная группа. Один из её участников, журналист и писатель Евгений Горбов вспоминал: «В Орёл приехала группа московских писателей: Феоктист Березовский, Елена Благинина и Олег Эрберг. У группы была определённая цель: оживить литературное движение на Орловщине.

…В тесной комнатке промышленного отдела собралось человек пятнадцать. Половину составляли свои, редакционные, другую – активисты. На собрании, конечно, говорили о выявлении новых сил, об учёбе, творческом росте и высокой требовательности к себе. Затем выбрали бюро литературной группы…

Елена Благинина была родом из Орла и приходилась мне почти землячкой. Я с интересом присматривался к ней. Мне нравились её манера держать себя, её спокойная простота, непринуждённость, и даже то, как она лёгким движением

пальца сбивала пепел со своей папиросы. Курящим женщинам свойственна некая бессознательная рисовка, но у Благининой этого не было: она и затягивалась, и окурок гасила, как завзятый курильщик-профессионал. Вообще всё в ней было просто, ясно: открытое приветливое лицо, губы, чуть тронутые юморком, бесхитростная русская причёска: прямой пробор и коса, обёрнутая вокруг головы. Благинина выступала сама, часто подавала реплики, и её слегка певучий, как бы урезонивающий голос всякий раз звучал по-товарищески дружелюбно.

Мы с ней часто и запросто разговаривали. Она была отличной собеседницей, и её приятельский тон всегда располагал к откровенности. Меня очень привлекало её пристрастие ко всякого рода местным словечкам и поговоркам: они были пестры и сочны, как кустарная роспись на деревянной посуде. «Жду ответа, как соловей лета», – говорила Благинина, и эти слова вдруг напоминали

мне кустодиевскую ярмарку, карусель, сарафаны, цветастые платки».

Утром 28 ноября 1943 года Благинина была в сквере Танкистов на похоронах героев-комсомольцев Владимира Савинова и Владимира Александрова. Много тогда на Орловщине появилось обелисков с красными звёздами. И, наверное, потому в память обо всех решила не указывать ни имени героини, ни названия города или села в стихотворении «Могила партизанки»:

У могилы разлапые ёлки
И коротенький текст без прикрас:
«Здесь покоится прах комсомолки,
Партизанки, погибшей за нас!»

А внизу – место боя и дата,
А вверху – небольшая звезда.
Негорячее сердце заката
Вечерами заходит сюда.

Ходят женщины плакать по близким,
Ходят юноши и старики.
Ветерок на простом обелиске
Полевые колышет венки.

В тот же день, 28 ноября, состоялась встреча Благининой с детьми специального детского дома в пригородной Некрасовке. Здес ьи родился замысел небольшой поэмы (повести в стихах) «Гармошка» с посвящением воспитаннику Мише Курбатову. Отступая с партизанским отрядом, он заминировал любимую гармонь. Финал поэмы делает читателя непосредственным свидетелем и участником происходящего – он явственно видит, как к одинокой гармони подходят два фашиста:

Вот совсем, совсем уж близко,
На гармонь легла их тень.
Вот один пригнулся низко,
Вот схватился за ремень.

А-ах! Я сжал у сердца руки.
Трах! Оно во мне зашлось…
Два фашиста, две гадюки,
Два мерзавца взорвалось!

Ох, как сердце замирало,
Как скакал, как прыгал я:
– Ты сыграла,
Ты сыграла,
Напоследок ты сыграла,
Замечательно сыграла,
Голосистая моя!

По пути из Орла в Москву у Благининой сложилось стихотворение «Ненависть», где она по праву жены и сестры фронтовиков обличала ненавистный фашизм:

Пускай бы солнце век не заходило.
Мне всё равно! Темно-темно вокруг.
Я в смертный путь тебя не проводила,
Глаз не закрыла, не сложила рук.

Я не надела смертную рубаху,
Кровавый пот не вытерла с чела.
Я твоему замученному праху
Последний путь не отдала!

Стихотворение «Орловской красе» она посвятила памяти брата Дмитрия, погибшего в октябре 1941 года под Ленинградом. В этом стихотворении пронзительное чувство родины:

Ты не помнишь иль помнишь о сыне,
Что погиб в чужедальном краю
За высокую горечь полыни,
За неяркую прелесть твою?

За пруды под зелёненькой ряской,
За ракиты у этих прудов,
За немного расшатанный, тряский,
Деревянный уют городов.

Финальная строфа соединяет в себе множество мотивов – это и чувства обычного человека, и прощание с зем-

ной жизнью, и высота сокровенной веры в бессмертие:

Он увидел – качнулась ромашка,
Тёплый шмель прогудел над кустом,
И упал – неуклюже и тяжко,
Распластавшись наземным крестом.

Как признавалась Благинина в одном из писем, в Москву она «приехала совсем постаревшей, потому что наглядделась всякой скорби, всякого разора». Но, как ни удивительно, эта поездка в Орёл закалила её, дала душевную уверенность, обострила поэтическую зоркость. Благинина писала в стихотворении «Была и буду»:

Ты, война, меня не повалишь,
Я – из ванек-встанек!
Ты мне хлеб сухой жевать велишь,
А я его – как пряник.

Этот гимн жизни заканчивался философской мыслью поэта о своём предназначении:

Потому что жизнь нельзя убить,
Ну никак, хоть тресни!
…Как была я, так и буду быть –
В хлебе, в воде, в песне!

И как серебряные блюдца
Под бегом яблок наливных,
Чужие жизни перельются
В мой жадный и горячий стих.

Однако громадный душевный перелом не сразу стал заметен тем, кто окружал Благинину. Коллеги по-прежнему воспринимали её как детского писателя, к тому же порой свысока оценивая её творчество. Пример такого отношения – дискуссия на пленуме правления Союза писателей СССР в начале февраля 1944 года. Корней Чуковский обрушился с критикой на выпущенные мест-

ными издательствами книги Михалкова, Барто, Благининой («Панька»): «Истинным бедствием является то, то все эти добродетельные книги сверху донизу полны мусором… Когда читаешь эти самоделковые, шершавые, кривые стишки, не веришь, что они печатаются в той самой стране, которая может перед всем светом гордиться великолепной художественностью своих книг для детей».

Была ли та критика обоснованной и справедливой? Маловероятно. Скорее, Чуковский просто хотел оправдать собственные творческие неудачи периода войны, к тому же сказывалась зависть к коллегам – его самого не так давно подвергли жёсткой критике.

Однако военные стихи Благининой постепенно заслужили признание, хотя сама автор относилась к этим оценкам с изрядной долей иронии. В частности, касаясь «орловского цикла», Благинина писала составителю «Орловского альманаха» Владимиру Комову в первые по-

слевоенные годы: «Так хвалят, что могу себя вообразить невесть каким поэтом, если немножко потщеславиться».

Благинина приезжала в Орёл в 1947 году вместе с матерью Неонилой Михайловной. Посетила родные места и в 1950 году, в 1973-м и 1978-м… По воспоминаниям орловцев, бывала в Орле в 1960-е годы… Видела возрождённый город, много общалась с писателями, с юными читателями, с родными. С 85-летием её поздравила Орловская писательская организация:

«Дорогая Елена Александровна!

Сердечно приветствуем Вас и горячо поздравляем с юбилейным днём рождения! Желаем здоровья и многих лет! Низкий поклон Вам, славная наша землячка, за чистые, звонкие, истинно народные стихи, которые будут жить вечно в русской поэзии.

Спасибо Вам за верность детям, верность родному краю! Ваши земляки, орловские писатели».

Сборник стихотворений для взрослых у Благининой вышел только один – «Складень» (1973). В нём, а также в посмертном сборнике «Окна в сад» (1996) звучала незабываемая военная тема.





ОБ АВТОРЕ

Алексей Иванович Кондратенко родился 2 января 1964 года в Воронеже. Окончил факультет журналистики Воронежского госуниверситета. Работал журналистом в «Орловской правде», «Орловском вестнике», на радио, был сотрудником и руководителем пресс-службы администрации Орловской области. Член Союза журналистов России, лауреат премии им. А. Е. Венедиктова Союза журналистов Орловской области (1998).

Автор книг «Земное поле» (1994), «Время странствий» (1997), «Жизнь Ростопчина» (2002), «Н. Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа» (2005), «Орловские магистрали» (2006), «Два века как один день. Страницы истории орловской журналистики XIX–XX вв.» (2008), «Свет далёких звёзд» (2011), «Литературное былое» (2015, 2017), «В живом потоке времени: Статьи и очерки о краеведах» (2019), «Встречи у микрофона» (2020), «Городищенская повесть» (2020),

«Старые письма» (2021), «Литературная прогулка по Орлу» (2022) и других.

В Союз писателей России принят (1999) по рекомендации правления Орловской областной организации и творческого семинара молодых литераторов при Московской организации Союза писателей России. Председатель правления Орловской областной организации Союза писателей России с февраля 2022 года. Главный редактор альманаха «Орёл литературный» (2004).

Лауреат Всероссийских литературных премий «Вешние воды» (2009) и «За Отечествоведение» им. Н. М. Карамзина (2012). Лауреат премии имени А. Г. Кузьмина журнала «Наш современник» в номинации «Молодые историки и публицисты» (2010). Трижды лауреат ежегодного конкурса «Орловская книга» (2006, 2009, 2019), дипломант X Международного Славянского литературного форума «Золотой Витязь» (2020).

Председатель правления Орловского областного отделения Российского общества историков-архивистов (2012). Доктор филологических наук (2017).

СОДЕРЖАНИЕ

Память сердца *(слово к читателю)*..... 3

«Чтоб наш город песни пел о вас…»
[Алексей Фатьянов] 13

«Мы в этот яростный удар всю нашу
страсть, всю душу вложим…»
[Иосиф Уткин] 38

«Сквозь чёрный плен земли
своей родной…» [Сергей Наровчатов
и Михаил Луконин] 67

«Только жить и жить нам, побеждая»
[Валентин Шульчев] 94

«Зубы стиснув, мы шептали:
пощады, подлый враг, не жди!»
[Михаил Аметистов] 106

«На огневой черте»
[Яков Хелемский] 120

«Здесь погиб мой сын любимый…»
[Павел Антокольский] 146

«Но так, чтобы душа была видна…»
[Леонид Мирошин].....163

«Так братство начиналось»
[Эдуардас Межелайтис] 175

«Место писателя всегда в разведке…»
[Илья Эренбург] 202

«Чтоб небо никогда не слепло
над городом твоим…»
[Арсений Тарковский] 227

«С боем взяли мы Орёл!»
[Евгений Долматовский] 242

«Потому что жизнь нельзя убить…»
[Елена Благинина].....256

Об авторе.....280

Литературно-художественное издание
12+

Алексей Иванович Кондратенко

С боем взяли мы Орёл!

Очерки о поэтах войны



Подписано в печать 02.08.2023 г. Формат 60×84 1/32
Печать ризография. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman
Объём 8,875 усл. печ. л. Тираж 255 экз. Заказ № 121

Лицензия ПД № 8-0023 от 25.09.2000 г.
Отпечатано с готового оригинал-макета в авторской редакции в ООО Полиграфическая фирма «Картуш»
г. Орел, ул. 2-я Посадская, 26. Тел.: (4862) 44-51-46.
E-mail: kartush.orel@yandex.ru www.kartush-orel.ru